



ЗАЧАРОВАННЫЙ АПРЕЛЬ

ВДОХНОВЕННЫЙ ГИМН ЖИЗНИ,
ЛЮБВИ И КРАСОТЕ

Это восхитительное
литературное лакомство
дарит возможность
чудесного преображения всем.

Daily Telegraph

Р О М А Н

ЭЛИЗАБЕТ фон АРНИМ

Элизабет Арним

Зачарованный апрель

«Центрполиграф»

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

Арним Э. ф.

Зачарованный апрель / Э. ф. Арним — «Центрполиграф»,

ISBN 978-5-227-09936-5

Лотти Уилкинс и Роза Арбитнот не были счастливы в браке. Обе почти смирились со своей участью, но однажды в «Таймс» они прочли объявление о сдаче внаем небольшого средневекового замка в Италии. Высокую арендную плату дамы решили поделить на четверых и нашли еще двух компаньонов. Вскоре, покинув хмурый, дождливый Лондон, четыре леди отправились в Италию. Окруженный чудесным садом замок оказал на женщин волшебное воздействие, здесь они вдруг осознали, как прекрасна жизнь, и почувствовали, что могут и должны быть счастливыми...

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-227-09936-5

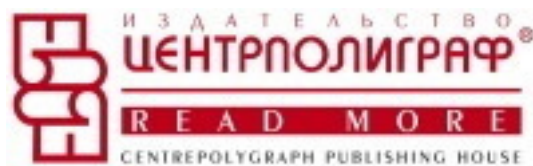
© Арним Э. ф.
© Центрполиграф

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	20
Глава 4	28
Глава 5	33
Глава 6	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42



Элизабет фон Арним Зачарованный апрель



© Перевод, «Центрполиграф», 2022

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2022

Глава 1

Все началось в унылом феврале, в неуютном женском клубе в центре Лондона. Миссис Уилкинс, приехавшая из Хэмпстеда, чтобы сделать покупки, зашла немного отдохнуть, пообедать и прочесть газету. В ожидании официанта она взяла свежий номер «Таймс» со стола в курительной комнате и, лениво просматривая столбец объявлений, наткнулась на следующее:

«Для тех, кто мечтает о солнечном свете и аромате глициний. В апреле вы можете арендовать небольшой средневековый замок на берегу Средиземного моря. Имеется весь необходимый обслуживающий персонал. Писать на имя Z, почтовый ящик номер 1000».

Вначале женщина просто не поверила своим глазам. Жестом, который выражал одновременно досаду и покорность судьбе, она отбросила газету, потом подошла к окну и безнадежным взглядом окинула мокрую улицу. Не для нее были средневековые замки, даже те, которые в объявлениях называют небольшими. Не для нее берега Средиземноморья в апреле, запах глицинии и солнце. Подобные удовольствия предназначены для богатых людей. Хотя заметка была адресована тем, кого интересуют такие вещи, а следовательно, и ей тоже, она никогда не смогла бы позволить себе воспользоваться этим предложением. С девяноста фунтами, собранными путем жесточайшей экономии по совету мужа, который хотел скопить кое-что на черный день, об этом нечего было и мечтать. На платья ей выдавалось сто фунтов в год, и для того, чтобы иметь небольшой остаток, приходилось довольствоваться теми, что мистер Меллерш, ее супруг, называл «достойным и уместным», а знакомые – «просто смехотворным».

Миссис Уилкинс не претендовала на известность. Во всех обстоятельствах она казалась робкой серой мышкой. Особенно это ощущение усиливалось в присутствии ее супруга. Он был адвокатом, и следовательно, в совершенстве владел искусством поддерживать разговор. Дома Меллерш бывал не менее красноречив, чем в суде или в разговоре с клиентами, поэтому через несколько лет его жена практически разучилась открывать рот. Она только отвечала на вопросы, которые иной раз были довольно неприятными. Мистер Уилкинс принадлежал к тому сорту мужчин, которые выглядят гораздо симпатичнее в гостях, чем дома. Со своими клиентами он был воплощением обаяния: внимательный, сочувствующий, всегда готовый помочь и внушающий доверие. Последнее, впрочем, было верно. Он был надежным человеком, но, пожалуй, этим и исчерпывались его достоинства. Меллерш имел довольно раздражительный нрав, который в полной мере проявлялся, как только он приходил домой. В этих случаях его адвокатское красноречие употреблялось в основном на то, чтобы полностью уничтожить жену, виновную в каком-нибудь проступке. Как известно, если тщательно выискивать оплошности в действиях супруги, то их всегда можно обнаружить, и жена привыкла не возражать мужу, потому что ее попытки оправдаться только усиливали его раздражительность. От природы веселая и нежная, она поникла, потому что Меллерш не был склонен к проявлению деликатных чувств. Его черствая натура отрицала любые знаки любви. Миссис Уилкинс так давно привыкла к этому, что уже только смутно ощущала, что ей чего-то не хватает, но не могла бы толком объяснить, чего именно.

К тому же Меллерш был скуповат. Во всем, что не касалось его обеда, он настаивал на строжайшей экономии. Пренебрежение питанием, этой важнейшей стороной жизни, называлось уже не бережливостью, а плохим ведением хозяйства, и строго наказывалось. Лотти проводила целые дни за стряпней и даже ездила в Лондон, чтобы достать все необходимое, но не роптала. Если есть хотя бы один способ привести Меллерша в терпимое расположение духа, значит, надо им пользоваться. Экономия серьезно отражалась на ее жизни. Она не могла позволить себе ни единой лишней мелочи, не вызвав строгих нареканий. Однако все это отражалось на качестве гардероба миссис Уилкинс. Меллерш был чрезвычайно доволен. «Мы не

знаем, – говорил он, – когда наступит черный день и тебе понадобятся эти сбережения. Теперь ты можешь быть спокойна за свое будущее. Что бы ни случилось, деньги у тебя есть».

Будущее миссис Уилкинс было обеспечено, зато настоящее выглядело совершенно беспроектным, во всяком случае, по сравнению с чудесами, которые обещало объявление. Она ни разу в жизни не была за границей. За исключением короткого свадебного путешествия, они с Меллершем вообще никуда не ездили. Он не любил развлечений, поэтому в основном жизнь его жены проходила в четырех стенах. Она совсем было смирилась с судьбой и приготовилась провести таким образом всю оставшуюся жизнь, как вдруг появился неожиданный шанс.

Миссис Уилкинс смотрела в окно клуба на авеню Шефтсбери. В то время как ее глаза бесстрастно наблюдали за усиливающимся дождем и чередой забрызганных грязью омнибусов, душой она была уже на Средиземном море, под ласковым солнцем, среди цветов. Особенно ярко она представляла себе глицинию, хотя никогда в жизни не видела ее и даже не знала, дерево это или цветок. Ей было все равно. Чем бы она ни являлась в действительности, она цвела – это самое главное. До появления в Лондоне ранних весенних цветов оставалось еще много времени, да и те были очень дорогими. Скучное английское лето тоже не могло предложить в этом смысле ничего роскошного. А миссис Уилкинс безумно любила цветы. Она отдала бы все, чтобы оказаться вдали от сырого, промозглого города. Итальянское поместье представлялось молодой женщине волшебным видением.

Она начала думать, что, возможно, провидение предназначало ее сбережения именно для аренды небольшого средневекового замка. «Возможно, нет, вполне возможно, что это именно так. Я ведь сама не знаю, для чего откладываю деньги. На это придется потратить только часть, и, может быть, не такую уж большую. Замок очень старый, наверняка обветшалый, а раз так, стоимость аренды не должна быть слишком высокой. В конце концов, я готова примириться с некоторыми неудобствами, если это снизит цену. Ведь не будут же за дом, в котором, скорее всего, нет даже электричества, запрашивать целое состояние. Боже, но что за глупость пришла мне в голову! Не стоит даже мечтать об этом».

Бедняжка давно уже была уверена, что в ее жизни не может произойти ничего особенного. Жизнь с мужем обернулась однообразной чередой дней и месяцев, похожих друг на друга, заполненных хозяйственными заботами и постоянным недовольством мужа, что нечего было и думать о семейном счастье.

Она отошла от окна, с досадой махнув рукой, и направилась к двери, чтобы взять пальто и зонт. В это время омнибусы будут переполнены, так что придется выдержать борьбу за право втиснуться туда, а по пути домой еще зайти в магазин и купить немного палтуса. Ее муж не очень-то любит рыбу, за исключением лососины и палтуса, а без рыбного блюда обед никогда не будет полным. Хозяйственные заботы едва ли не целиком поглотили молодую женщину. Вспомнив о покупках, она немедленно задумалась о муже и навсегда забыла бы о своих мечтах, если бы неожиданно не увидела знакомое лицо.

Выходя из курительной комнаты, она обратила внимание, что за столом, заваленным газетами и журналами, сидит миссис Арбитнот и сосредоточенно изучает первую страницу «Таймс». Эта дама принадлежала к одному из многочисленных религиозных движений и считала своим долгом заниматься делами бедняков. Они с Меллершем были знакомы и иногда вместе отправлялись на выставки импрессионистов.

В Хэмпстеде было много художников. Нельзя сказать, что мистер Уилкинс без ума от искусства, но его сестра замужем за одним из местных живописцев, и благодаря родственным связям миссис Уилкинс попала в общество людей, которых совершенно не понимала. Вскоре искусство начало пугать ее. Она не разбиралась в живописи, по крайней мере, настолько, чтобы судить о работах художников. Не то чтобы у молодой женщины не было вкуса, просто робость не позволяла ей прямо высказывать свое мнение. Когда нужно было поддержать светскую беседу о картинах новых знакомых, миссис Уилкинс не знала, что сказать, а если бы и знала,

скорее всего, никто не стал бы ее слушать. Платья, выдержанные в духе строжайшей экономии, тихий голос и природная застенчивость делали ее практически невидимой в любой мало-мальски шумной компании, и поэтому на вечеринках она неизменно скучала. За все годы, которые семья прожила в Хэмпстеде, она так и не нашла подруг. Родственники мужа, все как один самодовольные и шумливые, не вызывали у нее особого желания общаться с ними. Поэтому она всегда сидела в уголке, заброшенная и одинокая, и мечтала только о том, чтобы вернуться домой, где чувствовала себя более или менее сносно.

Напротив, мистер Уилкинс был желанным гостем на дружеских встречах. Его веские, обдуманые суждения об искусстве выслушивались с неизменным вниманием. Ни слова больше, чем необходимо, и ни слова меньше: казалось, что произнесенная речь была тщательно подготовлена. Эта манера говорить вызывала безусловное доверие, что не могло не отразиться на адвокатской карьере мистера Меллерша самым благоприятным образом. Собственно говоря, именно этого он всегда и добивался. Превыше всего мистер Уилкинс ценил свою карьеру и делал все, чтобы упрочить свое положение. К сожалению, его жена была слишком тихой и домашней, чтобы заводить полезные знакомства. В свое время Меллерш женился на Лотти не без задней мысли о том, что она сможет помочь ему в делах, но вскоре убедился, что напрасно на это рассчитывал, и стал уделять жене ничтожно мало внимания.

Конечно, миссис Уилкинс и вовсе не приглашали бы на приемы, но муж не мог позволить себе появиться без нее ни у друзей, ни в церкви. Посещение воскресной службы было обязательным для честолюбивого адвоката и производило благоприятное впечатление на возможных клиентов из числа прихожан. Поэтому в конце каждой недели супруги Уилкинс чинно восседали на своей скамье, внимательно слушая проповедь. Был или не был религиозен Меллерш – этого никто не знал. Возможно, что посещение церкви было для него не только деловым предприятием, но жена никогда не заговаривала с ним об этом. Она вообще давно уже разучилась беседовать со своим супругом на отвлеченные темы, зная, что ответом будет длиннейший монолог, который она выслушивала с показным вниманием, но немедленно забывала смысл, как только он заканчивался.

Миссис Арбитнот частенько выступала во главе процессии бедных детишек, шествующих из воскресной школы; она провожала их в церковь и следила за тем, чтобы они хорошо себя вели. Миссис Арбитнот была чрезвычайно энергичная женщина, и Меллерш часто ставил ее в пример своей супруге, говоря, что тот, кто хорошо делает свою работу, автоматически оказывается в центре внимания. Но в самой миссис Арбитнот не было почти ничего запоминающегося: только терпеливая, грустная улыбка. Она одевалась старомодно и подчеркнуто строго и внешне напоминала учительницу приходской школы. Ее возраст трудно было определить, потому что надвинутая на глаза шляпка и шаль, частенько прикрывавшая часть лица, мешали хорошенько разглядеть его. По отзывам обитателей Хэмпстеда это была чрезвычайно набожная леди, полностью отдававшая себя благотворительной деятельности. Она председательствовала на собраниях всевозможных комитетов, и ни одно из них не обходилось без прочувственной речи, в которой она обращалась к прихожанам с просьбой о пожертвованиях. Она очень дружила с викарием местной церкви и под его руководством делала действительно много добра. Миссис Арбитнот была замужем, но мужа ее редко можно было встретить в церкви. Этот благодушный джентльмен средних лет проводил большую часть времени в Лондоне и предоставлял жене вести себя так, как ей заблагорассудится. Судя по всему, эта пара не нуждалась в деньгах, хотя по платьям миссис Арбитнот можно было судить, как мало она тратит на себя.

Миссис Уилкинс подошла к столу, за которым ее знакомая сидела, не сводя глаз с первой страницы «Таймс», и не заметила дамы, которая расположилась напротив нее. Газета была раскрыта на колонке объявлений.

«Как глупо, что я не могу решиться просто спросить, – подумала молодая женщина, глядя на затуманившиеся глаза своей соседки. – Она выглядит такой доброй и несчастной. Почему

бы двум не слишком-то счастливым людям не облегчить душу за разговором? К тому же это, видимо, то самое объявление. Она смотрит на верхнюю часть страницы... Может быть, представляет себе все это: яркие краски, благоухание цветов, тихий шум моря в нагретых солнцем скалах? Может быть, у нее перед глазами сейчас вся прелесть Средиземного моря в апреле – взамен промокших омнибусов, скучной работы, готовки, бесконечного повторения одних и тех же дел?»

Неожиданно для себя миссис Уилкинс наклонилась к соседке и спросила: «Вы тоже прочли объявление о средневековом замке?» Миссис Арбитнот была так удивлена, что не сразу смогла ответить. До сих пор она не обращала внимания на женщину, сидевшую напротив.

– А почему вы спрашиваете меня об этом? – спросила она ласково – постоянное общение с бедняками приучило ее проявлять серьезность и терпение в общении с людьми. Она не совсем понимала, почему эта малознакомая женщина решилась заговорить с ней, но не хотела показаться невежливой.

– О, просто потому, что я тоже его видела и думала, возможно... Может быть... – бедная миссис Уилкинс умолкла, совершенно смущенная.

Работа на ниве благотворительности приучила миссис Арбитнот мгновенно оценивать и классифицировать людей, и теперь она размышляла, к какому типу следует отнести ее нечаянную собеседницу.

– Мы с вами встречались, – продолжала миссис Уилкинс, которая, как это свойственно застенчивым и неразговорчивым людям, раз начав, уже не могла остановиться. – Я... Я каждое воскресенье вижу вас в церкви.

– В церкви? – переспросила миссис Арбитнот.

Миссис Уилкинс не расслышала этой фразы, все ее внимание было поглощено одной темой.

– Это объявление насчет глициний, и солнца, и... оно выглядит так привлекательно...

В этот момент миссис Уилкинс, несмотря на свои тридцать лет, была похожа на школьницу перед витриной лавки кондитерской. Глаза ее горели, лицо разрумянилось, она как будто помолодела.

– Это так прекрасно, – вырвалось у бедняжки – а сегодня – что за неудачный день!

«Эта женщина, – подумала миссис Арбитнот, которая давно уже поставила себе целью помогать другим, – нуждается в участии».

Она уселась поудобнее и приготовилась к долгому разговору.

– Раз вы видели меня в церкви, значит, как я полагаю, вы тоже живете в Хэмпстед?

– О да, – ответила миссис Уилкинс. И затем повторила, слегка наклонив голову, как будто одно упоминание об этом месте заставляло ее съеживаться: – О да.

– Где? – уточнила миссис Арбитнот, которая предпочитала прежде, чем давать советы, составить себе полную картину происходящего.

Однако миссис Уилкинс, которая сидела, положив руку на страницу «Таймс», где было напечатано объявление, не ответила на вопрос. Она снова заговорила об интересующем ее предмете:

– Может быть, именно поэтому оно кажется таким привлекательным. По сравнению с тем, что нас окружает, это просто чудо.

– Нет, мне кажется, оно само по себе замечательное, – ответила миссис Арбитнот, на минуту забыв о реальности и тихонько вздыхая.

– Так вы его читали?

– Да.

– Разве это не чудесно? – прошептала миссис Уилкинс.

– Чудесно. Действительно прекрасно. Но стоит ли тратить время на пустые мечты?

– Да, но это не мечта. – Она сама удивилась своему мгновенному ответу, так не похоже было на нее проявлять настойчивость. – Даже говорить об этом замке на редкость приятно. Это так не похоже на Хэмпстед, и я думаю... Я действительно считаю, что если чего-то очень сильно захотеть, то обязательно добьешься.

Миссис Арбитнот спокойно оглядела взволнованное, восхищенное лицо миссис Уилкинс, раздумывая, к какой категории отнести эту женщину.

– Может быть, – сказала она, слегка наклоняясь вперед, – вы скажете мне, как вас зовут? Если мы станем друзьями, а я надеюсь, что так и будет, лучше представиться друг другу.

– Да, конечно... вы очень добры. Меня зовут миссис Уилкинс. – Она оглядела комнату, словно ища поддержки. – Я – миссис Уилкинс.

Ей никогда не нравилось это имя. Оно было слишком коротким и банальным, с легким налетом неуместной игривости на конце, и с этим ничего нельзя было поделать. Как было, так и останется, и хотя муж предлагал ей принять его фамилию, она так и не решилась. Ей казалось, что добавление имени Меллерш к ее собственному будет выглядеть, как табличка с именем владельца на воротах загородного дома. Не выдержав постоянных вопросов, она однажды сказала об этом мужу. После паузы, во время которой он обдумывал ее слова, мистер Меллерш посмотрел на свою жену с выражением человека, сделавшего неожиданное открытие, что его жена непроходимо глупа. Заговорил он очень недовольным тоном:

– Но ведь я не владелец загородного дома.

Чем больше она пыталась объяснить, тем ярче проступало на его лице это выражение неодобрения и осознания, что, возможно, женившись на ней два года тому назад, он совершил ошибку и выбрал в спутницы жизни женщину, не способную понимать элементарные вещи. Спор о том, действительно ли миссис Уилкинс назвала имя своего мужа какой-то «надписью на табличке», продолжался долго, если только можно называть спором яростный монолог с одной стороны и покорное молчание с другой. В конце концов мистер Уилкинс надулся и прекратил разговор, но после этого Лотти почувствовала себя еще ничтожнее.

«Полагаю, – думала она, когда разговор, наконец, был окончен, – что ссоры не избежать, если два человека вынуждены жить вместе в течение двух лет подряд. Что нам нужно, так это хорошенько отдохнуть друг от друга».

Однако в тот раз она не пошла дальше этого умозаключения. Она даже не знала, что это значит «отдохнуть». Ни в одной семье, с которой они были знакомы, муж и жена не разлучались, если только не происходило какого-нибудь несчастья. До сих пор молодая женщина не могла бы даже помыслить о том, чтобы поехать куда-нибудь без мужа. Впрочем, даже если бы она и захотела этого, ехать было бы просто некуда. Она не бывала нигде, кроме Лондона, и хотя много мечтала о поездке за границу, но никогда бы не посмела даже поговорить с мужем о поездке, не то чтобы действительно отправиться туда. Объявление все изменило. Миссис Уилкинс так живо представила себе все, что там описывалось, как будто бывала в замке прежде. Она ни на минуту не задумалась о том, что скажет Меллерш. Главное было то, что если хорошенько подумать, то выход может найтись. Особенно если кто-нибудь еще заинтересуется этим планом. Молодая женщина видела, что объявление не оставило ее знакомую равнодушной, и подумала, что можно было бы что-нибудь придумать вместе. Она решила постараться наладить с ней отношения и выяснить, не придет ли что-нибудь в голову ее новой подруге. Ради этого миссис Уилкинс даже отбросила свою обычную застенчивость и стала почти красноречивой. Надо было рассказать миссис Арбитнот больше о себе. Может быть, тогда удастся уговорить ее вместе подумать над тем, как бы воспользоваться необыкновенной возможностью.

Вернувшись к разговору, миссис Уилкинс сказала:

– Мой муж адвокат, – и добавила, стараясь придать себе хоть немного значительности: – Он очень привлекательный мужчина.

– Да? Стало быть, вам повезло.

– Почему? – последовал неожиданный вопрос.

Миссис Арбитнот не знала, что ответить. За годы общения с бедняками она привыкла к тому, что ее суждения принимаются на веру беспрекословно, и поэтому несколько растерялась. Действительно, что тут можно сказать? Ей казалось, что последняя фраза не требует доказательств, и странный вопрос смутил ее. Миссис Арбитнот немного подумала и произнесла:

– Потому, что красота и мужественность – это божий дар, и если ими правильно распорядиться...

Она умолкла, осознав, что собеседница смотрит на нее не отрываясь и явно ловит каждое слово. Никогда еще речь миссис Арбитнот не слушали так внимательно.

Но на самом деле миссис Уилкинс вовсе не слушала; в эту самую минуту перед ней предстала невероятная картина. Она увидела двух женщин, сидящих под каким-то неизвестным цветущим деревом, и это были миссис Арбитнот и она сама. У них за спиной высились древние серые стены. Это был он, тот самый замок!

Удивленная долгим молчанием миссис Уилкинс, миссис Арбитнот посмотрела ей в глаза и была поражена их странным выражением; это были глаза человека, только что сделавшего открытие. Если бы в этот момент миссис Уилкинс оказалась на вечеринке, ей уже не удалось бы остаться незамеченной. Она просто светилась сдержанным восторгом. Дело в том, что в голову молодой женщины пришла одна мысль:

«Конечно! Безусловно, одной мне не заплатить за аренду, но вместе...»

Она наклонилась вперед и произнесла:

– Почему бы нам не попробовать принять это предложение?

– Принять предложение? – переспросила миссис Арбитнот, ничего не понимая.

– Вот именно. Согласиться, вместо того чтобы сидеть здесь и думать о Средиземном море, а потом отправиться обратно в Хэмпстед, не шевельнув и пальцем, чтобы это чудо стало нашим. Вернуться на кухню, где мы прозябаем день за днем и год за годом. Фактически все это не имеет конца, так что надо хоть иногда сделать передышку, и это в интересах обеих сторон. Кому будет плохо, если мы хоть ненадолго уедем и вернемся еще красивее, чем были? Видите ли, иногда человеку просто необходимо расслабиться.

– Но... вы думаете, это возможно?

– Да.

– Но как?

– Мы должны арендовать этот замок. Согласиться на все условия.

– Мы... Вы имеете в виду – вы и я?

– Да. Все расходы пополам. Так это будет стоить вдвое дешевле. Мне кажется, по-моему, вы хотите поселиться там так же сильно, как и я. Вам тоже хочется почувствовать себя счастливой.

– Но мы совсем не знаем друг друга!

– Вы только подумайте о том, как хорошо будет уехать отсюда на месяц, только вдвоем. Я скопила кое-что на черный день, думаю, что и вы тоже. Только взгляните в окно: разве был у вас когда-нибудь день чернее, чем сегодня?

«Она совершенно неуравновешенный человек», – сказала себе миссис Арбитнот, чувствуя в то же время, как ее охватывает какое-то странное волнение.

– Подумайте о том, что мы сможем забыть обо всем на целый месяц. Это же настоящий рай!

«Ей не стоило бы так выражаться, – подумала миссис Арбитнот. – Наш приходской священник говорит...»

Необычное волнение все еще не оставляло ее. В самом деле, было бы замечательно отдохнуть, немного отрешиться от забот... Однако привычка к общению с бедняками, которых все

считали не умнее детей, победила, и она вдруг заговорила очень серьезно, в точности так же, как с бедными людьми, когда старалась пролить свет в их души (так называл это викарий):

– Ни к чему искать рай где-то далеко. Ибо сказано, что Господь наш всегда с нами. Небо всегда с нами. Вы должны помнить строки Откровения, в которых это сказано.

– Да, да, я помню, – нетерпеливо перебила ее миссис Уилкинс.

– Небеса и родной дом – это одно целое, – продолжала миссис Арбитнот, не привыкшая к тому, чтобы ее останавливали. – Мы все – дети Господа.

– Но это не совсем так, – неожиданно возразила миссис Уилкинс.

Миссис Арбитнот на секунду смешалась.

– Нет, это действительно так, если правильно сделать выбор. Мы должны сделать наш дом похожим на дом Господа нашего.

– Я сделала свой выбор, и я пыталась поступать как должно, и все равно это не так.

Миссис Арбитнот молчала, потому что и у нее иногда возникали сомнения в правильности этой теории. Она посмотрела в глаза миссис Уилкинс и почувствовала, что ей просто необходимо успокоиться. Ее новая знакомая не была похожа ни на кого из тех, с кем она обычно общалась. Если бы только удалось понять, что это за человек, душевное равновесие вернулось бы к миссис Арбитнот. Она уже давно привыкла раскладывать людей «по полочкам», но в этом случае никак не могла толком сориентироваться. Миссис Уилкинс ухитрялась быть одновременно робкой и порывистой, говорить взволнованно и в то же время деловито. Миссис Арбитнот не знала, как себя вести с нею. Скорее всего, самым лучшим было бы встать, быстро распрощаться с этой странной особой и отправиться домой, но почему-то миссис Арбитнот не могла этого сделать. Дело в том, что она не уезжала из дому уже много лет, и это объявление пробудило в ее душе давно забытые мечты. Она чувствовала, что сама не прочь уехать в Италию, чтобы отрешиться от забот. Долг и разум, которыми она в последние годы привыкла руководствоваться, вдруг отступили на задний план, и вместо них возник шелест волн на морском берегу и видение сказочного замка на вершине холма. Миссис Арбитнот нестерпимо захотелось убежать из дождливого Лондона хотя бы ненадолго. Если ничего не предпринять, то пройдет еще не один сырой и слякотный месяц, пока в округе воцарится хоть какое-то подобие лета. Она представила себе край, где всегда тепло, и чуть не расплакалась от умиления, но тут же взяла себя в руки. Настроение миссис Уилкинс было чрезвычайно заразительным, и требовалось что-то привычное и вещественное, чтобы снова вернуться на землю. Она не могла себе позволить витать в облаках ради пустых фантазий. Необходимо было решить, что делать с этой женщиной, пока не стало слишком поздно.

Безусловно, она была неуравновешенной. Миссис Арбитнот приходилось встречать таких людей, и они никогда раньше не влияли на нее. Наоборот, обычно их удавалось наставить на путь истинный, однако на этот раз миссис Арбитнот испытывала непривычное беспокойство, желание хоть раз в жизни забыть о тех светочах, которые вели ее по жизни: Бог, Муж, Дом и Долг. Уже много лет миссис Арбитнот считала, что важнее всего в жизни служение Богу, но семейные ценности по-прежнему имели для нее огромное значение, хотя больше в теории, чем на практике. Ее покорило, что в своих планах на будущее миссис Уилкинс явно забыла о своем муже. По всему было ясно, что она не собиралась приглашать его в замок и посвящать свое время заботам о нем, как положено хорошей жене. Ей хотелось просто отдохнуть и подумать о себе. Сначала миссис Арбитнот решила, что это безнравственно, однако все же, если подумать, в этой идее было что-то притягательное. Нельзя сказать, чтобы Роза Арбитнот тяготилась своим мужем. Уже давно они с Фредериком жили практически раздельно и встречались только за обедом. Он ни в коем случае не мешал жене жить так, как ей заблагорассудится, но неожиданно мысль о том, что он будет обедать в одиночестве и, возможно, скучать по привычному для него обществу жены, показалась ей соблазнительной. В этом определенно было что-то заманчивое.

У миссис Арбитнот были свои сбережения, надежно помещенные в Почтовый банк. Но взять их оттуда и потратить так, как ей заблагорассудится, казалось недопустимым. «Конечно же, я не собираюсь этого делать, да и зачем? Путешествие по Италии – очень приятная вещь, но ведь можно хорошо провести время и без того, чтобы делать глупости», – думала она, не замечая, что уже бессознательно прикидывает, сколько там должно быть денег и как можно было бы потратить проценты, полученные за последние месяцы.

Основой жизни миссис Арбитнот были все те же четыре понятия: Бог, Муж, Дом и Долг. До того, как прийти к этому, она пережила много страданий, и теперь не хотела потерять ощущение ясности и покоя. Именно поэтому миссис Арбитнот так стремилась поскорее понять характер этой женщины, дать название ее странному поведению, и тем самым успокоить собственные нервы. Наиболее подходящим казалось определение «истерия», а от него недалеко было и до самого сурового приговора: «помешательство», но она привыкла не торопиться с окончательным решением, слишком тяжела была даже возможность ошибки. Как настоящая христианка, миссис Арбитнот больше всего боялась несправедливо осудить ближнего своего.

«Да. Безусловно, очень неуравновешенная особа. Должно быть, в ней нет того стержня, который помогает нам нести бремя забот о других достойно. Ни выдержки, ни самоконтроля, действует, повинаясь мгновенному импульсу. Бедняжка погибнет, если ей не помочь».

Эти мысли постепенно вернули миссис Арбитнот утраченное самообладание. Она продолжала рассматривать собеседницу:

«Маленькая, хрупкая, застенчивая, на лице застыло выражение обиженного ребенка... Явно несчастна. Что с ней такое, в самом деле? Ведь не может же все быть настолько плохо. Пожалуй, нужно посоветовать ей сходить в церковь. Может быть, наш добрый викарий сможет помочь бедняжке лучше, чем я. Если она не ладит с мужем, то никто не даст лучший совет».

Миссис Арбитнот знала, что такое слезы, не понаслышке. Ее семейная жизнь принесла ей много разочарований и научила искать счастья не в суетных радостях мира сего, а в постоянном, ежедневном выполнении долга перед ближними. Она поняла, что истинную радость можно отыскать только в неустанном служении делам Господним.

Фредерик был из тех мужей, чьи жены рано начинают искать прибежища в религии. Сейчас его недостатки казались совершенно очевидными, но сначала каждое открытие давалось Розе с трудом и приносило нестерпимую боль. Теперь все было кончено, и миссис Арбитнот давно уже смирилась со своей участью. Фредерик превратился из обожаемого жениха и нежно любимого супруга всего лишь в символ Долга, второй по важности после Бога. Так это было, и так должно было оставаться впредь. Само напоминание о забытых радостях, несбывшихся желаниях было бы нестерпимо...

– Мне очень хотелось бы, чтобы мы стали друзьями, – произнесла миссис Арбитнот, прервав чересчур затянувшееся молчание. – Может быть, вы навестите меня? В любое время, когда угодно. Вот моя карточка.

Миссис Уилкинс не обратила на это никакого внимания.

– Смешно, – сказала она, – но я прямо-таки вижу нас обеих в этом замке.

Роза Арбитнот снова почувствовала себя неловко.

– Правда? – спросила она, стараясь сохранить спокойствие под взглядом огромных серых глаз, направленных на нее. – Правда?

– Разве у вас не бывает внезапных озарений, когда вы видите все так, как должно случиться?

– Никогда.

Миссис Арбитнот попыталась улыбнуться той мудрой и терпеливой улыбкой, с которой она привыкла выслушивать вздорные сентенции неуравновешенных людей, но не смогла. Ее губы дрожали.

– Конечно, – произнесла она тихо, как будто боялась, что кто-нибудь может подслушать, – это было бы замечательно...

– Даже если мы совершим ошибку, – произнесла миссис Уилкинс, – ведь это только на один месяц.

– Тогда...

Она не успела договорить.

– В любом случае, – прервала ее визави, – я полагаю, что трудно все время совершать только хорошие поступки. Вы выглядите такой несчастной, а я... я всю жизнь старалась для других, еще с тех пор, как была ребенком, и никто никогда не любил меня, и мне так хочется чего-то... Чего-то большего...

«Неужели она сейчас заплачет? – миссис Арбитнот ощутила одновременно смущение и неожиданную симпатию к бедняжке. – Только бы не здесь, в этой неприветливой комнате, где любой может увидеть ее слезы!..»

Но миссис Уилкинс вдруг овладела собой. Она посмотрела на миссис Арбитнот не то смущенно, не то испуганно.

– Вы не поверите, но я никогда, ни с кем так откровенно не разговаривала.

– Это все из-за того объявления, – кивнула миссис Арбитнот.

– Да, – последовал немедленный ответ, – а еще из-за того... Из-за того, что мы с вами обе такие... такие несчастные.

Глава 2

Миссис Арбитнот давно уже не чувствовала себя несчастной.

«Как это возможно, – спрашивала она себя, – когда Господь заботится обо мне?»

Однако она не спешила сразу же опровергнуть слова миссис Уилкинс, чувствуя, что та страдает и нуждается в помощи. Причем в этом случае требовались не просто еда, ботинки или наставления, которых было вполне достаточно для ее подопечных, а искреннее понимание и сочувствие. Миссис Арбитнот не знала, что сказать. Единственным правильным ответом было бы согласие на предложение миссис Уилкинс, причем искреннее и немедленное. Беспокоило только то, что решение принималось не только для того, чтобы успокоить новую подругу, но и отвечало ее собственному горячему желанию. Все это было так неожиданно! Миссис Арбитнот привыкла наставлять, направлять и поддерживать всех, за исключением собственного мужа, которого давно уже поручила милости провидения. Ему бессмысленно было давать советы. Ничего, кроме вежливого внимания, с которым он выслушивал их, забывая сразу же, как только выйдет из дому, нечего было и ждать.

Уже давно миссис Арбитнот не требовала ничего для себя. Она отказалась от надежды на семейное счастье или хотя бы простое дружеское понимание и перестала общаться с мужем. Ее не увлекали ни мода, ни общество, ни деньги, которых в доме всегда было в избытке. Молодая женщина уже ничего не ждала от жизни, и внезапное эгоистичное желание перемен, с такой силой вдруг охватившее все ее существо, почти внушало ей страх. Искушение поддаться ему стало нестерпимым, и миссис Арбитнот сдалась.

– В конце концов, ничего не случится, если мы наведем справки, – произнесла она к великой радости миссис Уилкинс.

– Нас это ни к чему не обязывает, – ответила миссис Уилкинс дрожащим голосом. Она почувствовала, что дело сдвинулось с мертвой точки. Раз так, то исполнение мечты становится делом времени. Курьезным образом, эта робкая молодая особа верила в предчувствия. Она решила, что объявление – знак судьбы, и, таким образом, все скоро устроится как можно лучше.

Новые подруги вместе сели за письменный стол. Миссис Арбитнот написала по указанному адресу, прося сообщить подробные условия аренды. На самом деле единственное, что интересовало обеих женщин, – это цена. Так как миссис Арбитнот была старше, опытнее и привыкла общаться с людьми, ведение переговоров решено было поручить ей, однако в этот день миссис Уилкинс снова показала себя с неожиданной стороны. Хотя Лотти Уилкинс казалась слабой и беззащитной, была в ней какая-то внутренняя сила, и, когда ей чего-то по-настоящему хотелось, она была вполне в состоянии направлять и вести за собой других. К тому же она умела делать неожиданные, но очень верные выводы.

Когда письмо было написано и брошено в почтовый ящик, обе женщины ощутили смутное чувство вины.

– Это доказывает только, – прошептала миссис Уилкинс, – какими примерными женами мы были все эти годы. В первый раз делаем что-то без ведома наших мужей – и чувствуем себя чуть ли не преступницами!

– Не могу сказать, что была такой уж примерной супругой, – ответила миссис Арбитнот, недовольная тем, что новая подруга словно прочитала ее мысли.

– Нет, я уверена, что так и было. И поэтому мы так несчастны.

«Не следовало бы ей так говорить, – подумала Роза. – Нужно научить ее быть более сдержанной».

Вслух она произнесла:

– Не знаю, почему вы так настаиваете на том, что я несчастлива. Когда мы познакомимся поближе, вы поймете, что это не так. И почему, по-вашему, совершать только хорошие поступки – значит отказаться от счастья?

– Так и есть, по крайней мере, в нашем случае. Бывают хорошие, но скучные вещи, а бывают такие, которые приносят радость. Вот, например, как этот замок на берегу моря. Только нам с вами они никогда не доставались.

– Да, если мы туда поедем, это будет очень приятно. Пока я хочу только узнать, каковы условия. Скорее всего, они окажутся совершенно неприемлемыми, а если нет, то, может быть, к завтрашнему дню мы передумаем.

– Я уверена, что нет, – ответила миссис Уилкинс.

Вся эта неуверенность выбивала из колеи. Направляясь на встречу, где она должна была произнести речь, миссис Арбитнот тщетно пыталась сосредоточиться:

«Надеюсь, что спокойный и разумный подход к делу повлияет на эту женщину. Она слишком восторженно ко всему относится».

Однако миссис Арбитнот сама чувствовала себя взволнованной, испытывала одновременно страх, радость и чувство смутной вины, как будто перед тайным любовным свиданием. Когда она взошла на кафедру и начала говорить, поняла, что дух красноречия покинул ее. Тяжело было глядеть на равнодушные лица собравшихся и убеждать их сделать пожертвование в пользу бедняков. Это всегда было непросто, а сейчас, когда все ее мысли были сосредоточены на неожиданно открывшихся возможностях, просто нереально. Миссис Арбитнот выглядела и чувствовала себя скорее как женщина, неожиданно выслушавшая признание в любви, чем как скромная и набожная проповедница, и в этот раз ее речь не тронула прихожан.

«Красота, воздух, солнце... – думала она, почти не сознавая, что продолжает говорить. – Я никогда не была в Италии. Может ли так случиться, что именно для этого и были предназначены мои сбережения на черный день, что миссис Уилкинс в конечном счете права, предлагая воспользоваться случаем, который больше не представится? В самом ли деле эта женщина обладает даром провидения, и если да, то стоит ли бороться с судьбой? Но все же эти деньги предназначались на богоугодные дела, так не будет ли грехом истратить их только на себя?»

Благодаря долгой практике миссис Арбитнот могла бы произнести свою речь даже во сне, но никто на этот раз не был задет описанием страданий бедняков. Когда она сошла с кафедры, кружка для пожертвований оказалась пустой. Она прошла мимо, не обратив на это внимания, но викарий, старинный и добрый друг миссис Арбитнот, видел все и был очень встревожен.

– Не могу понять, – недовольно сказал он ей, прощаясь, – что случилось с этими людьми? Кажется, ничто на свете не способно растрогать их души.

– Может быть, им просто нужен отдых?

– В феврале? – саркастически заметил священник.

– Нет, нет, никак не раньше апреля, – обернувшись, сказала миссис Арбитнот.

«Странно... Очень странно!» – думал священник, направляясь домой.

Настроение у него было ужасное, и в тот день его жене пришлось выслушать немало колких замечаний. Раньше он никогда не видел миссис Арбитнот такой рассеянной и заподозрил неладное. Для женщины, которая прилежно заботится о ближних своих и думает о Боге, у нее были слишком мечтательные глаза. Викарий понадеялся, что дело в простуде, которую так легко подхватить в Лондоне в эту пору. Поскольку прежде его прихожанка не бывала такой рассеянной, ясно, что она плохо себя чувствует. Викарий даже помыслить не мог, что дело совсем в другом.

В своей вечерней молитве миссис Арбитнот спрашивала у Бога совета, как поступить. Она хотела попросить его, чтобы замок был уже арендован, и проблема разрешилась сама собой, но тут же остановилась: «Нет, только не это! Нельзя идти на такой риск, ведь молитва

может быть услышана! А к тому же, – убеждала она сама себя, – можно будет в самое ближайшее время скопить еще. Фредерик полностью переложил ведение счетов на мои плечи, так что в самом худшем случае в следующие несколько месяцев мои бедняки получат немного меньше, но зато уж эти-то деньги будут потрачены с пользой!»

Не имея собственных доходов, миссис Арбитнот была вынуждена рассчитывать только на мужа, он же добывал деньги способом, который был для нее источником непрерывных терзаний. Фредерик писал книги об известных куртизанках, любовницах королей. Его книги пользовались ошеломляющим успехом. Многие короли имели любовниц, и многие из этих любовниц прославились своими безумствами, так что материала для работы было более чем достаточно. Фредерик писал примерно по книге в год, и миссис Арбитнот была бессильна ему помешать, поскольку состояния у них не было. Однажды, после успеха романа о госпоже дю Барри, муж купил кушетку в стиле барокко, и эта вещь, стоявшая в гостиной, являлась постоянным напоминанием о презренном происхождении благополучия этого дома. Роза стыдилась того, чем занимается ее муж, поэтому ни разу в жизни не садилась на эту кушетку и не собиралась делать этого в будущем. В отвратительной роскоши этой вещи чувствовалось что-то языческое, и христианская душа молодой женщины восставала против нее.

Сознание того, что своей обеспеченной жизнью они обязаны греху, пусть и отделенному от них столетиями, было главной причиной огорчений миссис Арбитнот. Чем аморальнее вели себя эти дамы, тем лучше расходилась книга и тем щедрее был Фредерик. Его жене оставалось надеяться только на то, что когда-нибудь люди одумаются и перестанут покупать эти развратные книги. В надежде на лучшее она откладывала деньги, чтобы поддержать мужа, когда его читатели очнутся и он останется без своих доходов. Кроме того, некоторое облегчение приносила раздача милостыни. Она надеялась, что молитвы обласканных бедняков помогут загладить ужасный грех ее мужа. Больше ничего нельзя было для него сделать. Она не раз пыталась заинтересовать Фредерика более приличными темами, напоминала ему о библейских персонажах или святых, которые вели достойную жизнь и, следовательно, подавали хороший пример. Она спрашивала мужа, почему бы ему не писать книги о чем-нибудь другом, к примеру, о цветах или птицах. В ответ Фредерик сначала смеялся и говорил, что такие книги уже написаны, но расходятся гораздо хуже, чем пикантные похождения дам прежних времен. Потом он просто замолчал и выслушивал все ее увещевания с выражением снисходительного терпения, которое всегда появлялось у него на лице при встрече с женой. Наконец она отступилась. Ей оставалось тратить больше денег на благотворительность и молить Бога, чтобы он простил заблудшую душу.

В прежние времена миссис Арбитнот пыталась обдумать ситуацию, принять верное решение и следовать ему, но обнаружила, что это проще сказать, чем сделать. В конце концов пришлось положиться на милосердие Всевышнего. Ни пенни из отложенных денег не было истрачено на обстановку или одежду, они были предназначены только для бедных. Иногда миссис Арбитнот начинала колебаться:

«Может, стоило бы отказаться от этих денег? Но тогда как быть с покупкой ботинок для приходских сирот?»

Она неоднократно пыталась поговорить об этом с викарием, но тот после долгих недомолвок и призывов обратиться к Богу давал ей понять, что в любом случае ботинки кажутся ему более важным делом, чем спасение души мистера Арбитнота. Так все и шло год за годом. Башмаки покупались и изнашивались, сироты немного подрастали и шли в услужение, а взамен появлялись новые. Иной раз миссис Арбитнот начинала поражаться, с какой легкостью неимущие люди обзаводятся детьми. У многих семей из числа ее подопечных было по несколько малюток, вечно недокормленных и полуголых, но по-своему счастливых. Все это добавляло в ее жизнь горечи и заставляло постоянно вспоминать о христианском смирении. Единственное ее дитя умерло в младенчестве. Это горе навсегда изменило характер миссис Арбитнот,

которая в девичестве была веселой и живой, да и в первое время после свадьбы тоже. Потеря убила ее веселость и заставила задуматься о Боге, но, казалось, совсем не коснулась мистера Арбитнота. С тех пор их пути разошлись, как ей казалось, навсегда.

Единственное, что у них осталось общего, – это имя. Миссис Арбитнот ни за что не согласилась бы, чтобы оно было связано с развратными книгами мужа, и в конце концов убедил его публиковать свои книги под псевдонимом. Теперь она могла быть спокойна за свою репутацию. Она чувствовала, что умерла бы на месте, если бы кто-нибудь увидел ее фамилию напечатанной на титульном листе одного из этих отвратительных произведений.

Фредерик начал писать сразу после свадьбы (до этого он работал в библиотеке Британского музея), и эта предосторожность была необходима для ее спокойствия. Жители Хэмпстеда с удовольствием читали скандальные романы, не подозревая, что автор живет рядом с ними. Фредерик был не слишком известен в родных местах. Свободное время он предпочитал проводить в Лондоне, однако никогда не рассказывал, чем занимается там. Вероятно, у него было много знакомых, но он никогда не приглашал жену навестить их. Она была лишней в его кругу, так же как и Фредерик был лишним на многочисленных собраниях благотворительных обществ. Для них у него был слишком веселый нрав. Благодаря природному добродушию мистер Арбитнот умел везде заводить друзей, но предпочитал проводить время среди тех, с кем чувствовал себя легко. Таким образом, супруги жили совершенно независимо друг от друга. Мистер Арбитнот поручил жене все домашние заботы, но никогда не требовал отчета. Он просто давал ей деньги по первому требованию. Миссис Арбитнот знала, что мужу все равно, на что она их тратит. Он не был скуп, скорее наоборот, но даже это расстраивало ее. Наверное, молодая женщина чувствовала бы себя лучше, если бы они жили бедно. Однако книги расходились прекрасно, доходы Фредерика, судя по ее карманным деньгам, все время росли, и она совсем извелась, не зная, когда, наконец, Богу будет угодно наказать ее мужа. Судя по благам, которыми он пользовался в настоящий момент, это наказание должно было быть ужасным.

Об источнике его доходов в Хэмпстеде знал только викарий, который не выдал бы тайны даже под страхом смерти. Других близких друзей у миссис Арбитнот не было. Было много знакомых, поскольку ей приходилось беседовать с состоятельными людьми с целью достать еще немного денег для приютов, но она не стремилась ни с кем заводить близкие отношения. Роза не любила никого больше Бога и только к нему обращалась искренне. Она молилась утром и вечером, подолгу простаивая на коленях и прося Всевышнего помочь ее подопечным, помочь ей самой и вразумить Фредерика, пока не стало слишком поздно.

В конце концов в доме воцарился мир и покой. Фредерик снял квартиру возле Британского музея, где он писал свои книги и откуда возвращался домой поздней ночью или не возвращался вообще. Иногда муж и жена не виделись несколько дней кряду. Затем он неожиданно появлялся во время завтрака, веселый и довольный собой. В такие дни мистер Арбитнот был необыкновенно внимателен к своей супруге, а та старалась, чтобы все в доме было ему по душе. Она знала, что такое супружеский долг, и старалась выполнять его независимо от того, как они с мужем относятся друг к другу. В конце концов, кто сказал, что любовь должна длиться вечно?

Миссис Арбитнот бывала во многих семьях и везде видела одно и то же: рано или поздно супруги становятся равнодушны друг к другу. Если при этом им удавалось сохранить взаимное уважение, они жили как добрые друзья, и это был лучший вариант. Она видела семьи, где по тем или иным причинам это становилось невозможно. Жизнь в таких семьях была ужасна.

Миссис Арбитнот утешала себя тем, что в ее доме, по крайней мере, соблюдены все приличия. В тех редких случаях, когда они вместе появлялись на людях, Фредерик был очень внимателен к своей жене. Как-то сам собой, распространился слух, что он делец и проводит большую часть времени в своей конторе в Сити. Таким образом, Роза не производила впечатления брошенной жены и в то же время могла спокойно заниматься своими делами. О лучшем нечего было и мечтать. Фредерик был вполне доволен установившимся положением вещей, а

его жена, когда у нее оставалось свободное время, не переставая, думала о том, какая странная это вещь – человеческая жизнь. Есть люди, которым не сидится на месте, и ее муж был одним из них. В нем не осталось ничего от скромного юноши, мечтавшего о прелестях семейного очага, за которого она вышла когда-то. Но ее любовь была жива. Не зная о том, он каждый день, выходя из дома, уносил с собой тихое благословение жены. Что еще она могла сделать, кроме как отдать все в руки Всевышнего? Она посвятила себя Господу и беднякам.

«Что может быть счастливее жизни для других?» – спрашивала себя иногда миссис Арбитнот, но в глазах ее таилась грусть.

«Может быть, когда мы состаримся, – повторяла она себе с легким вздохом, когда возвращалась домой поздно вечером и снова обнаруживала, что мужа дома нет. – Может быть, когда мы оба состаримся, что-нибудь изменится».

Глава 3

Ответ на письмо был скоро получен. Замок принадлежал английскому джентльмену по фамилии Бриггс, который подробно описал и свое поместье, и все условия возможной аренды. В Сан-Сальвадор было четыре спальни, три гостиных и большой сад. Кроме того, для любителей старины имелась оружейная комната и темница, а для любителей современных удобств – электричество. Плата составляла 60 фунтов в месяц плюс услуги, причем половину нужно было заплатить сразу, а половину – в конце месяца. Самым неожиданным оказалось то, что владелец настаивал на рекомендательном письме от какого-нибудь влиятельного лица.

Миссис Арбитнот и миссис Уилкинс даже и не думали о рекомендациях. Кроме того, стоимость аренды оказалась слишком высокой. Они рассчитывали на что-то около трех гиней¹ в неделю, а то и меньше, ведь здание было небольшое и очень старое. Но шестьдесят фунтов за один месяц... Было отчего прийти в отчаяние!

Миссис Арбитнот заколебалась. Во-первых, ее сбережения должны были пойти на нужды приходских бедняков. Сколько можно было бы купить прекрасной, теплой одежды и башмаков! Но ведь и тридцать фунтов – это еще не все. Предстоят расходы на слуг, на еду, на проезд туда и обратно... Во-вторых, рекомендательное письмо. Его нельзя было получить без огласки. Что скажут ее знакомые, что скажет муж о таком безрассудстве... Хотя о мнении супруга стоило беспокоиться меньше всего. Фредерик только обрадуется, если узнает, что она уезжает. Горше всего было миссис Арбитнот знать, что ее отсутствие будет мужу приятно. В глубине души она слишком любила его и не могла освоиться с мыслью, что стала ему безразлична.

«Страшно подумать уже и о том, что скажет Меллерш, когда узнает, что я собираюсь поехать в Италию, – в то же самое время думала миссис Уилкинс, – пройдут дни, а то и месяцы, прежде чем я решусь ему сказать, что арендовала замок на побережье Средиземного моря. А между тем сказать нужно сразу же, как только я уговорю миссис Арбитнот. Медлить нельзя. Если мы сразу же не дадим ответа, кто-нибудь другой может занять наш замок. Я не только должна объяснить Меллершу, что я сделала, но и получить его разрешение на поездку. Как все сложно! Он такой практичный, что будет просто презирать меня за бессмысленную трату денег. Ему не понять, что красота дороже, чем все ценности мира. С другой стороны, все эти деньги мои, до последнего пенни. Я могу потратить свои сбережения так, как хочу».

Миссис Уилкинс даже не приходило в голову, что муж может возразить против поездки или, напротив, решит отправиться вместе с ней. Она так ясно видела перед собой замок, в котором они с миссис Арбитнот живут вместе, что просто не могла себе представить, как может быть по-другому. Ее немного смущал только вопрос с рекомендательными письмами. Что миссис Уилкинс знала совершенно твердо, так это то, что Меллерш ни в коем случае не воспользуется своими связями, чтобы выполнить непонятный каприз жены. Все придется делать самим. Однако в последнее время Лотти настолько уверовала в судьбу, что не сомневалась, – все так или иначе устроится. Мысленно она вернулась к тому, с чего начала, и заметила вслух:

– Полагаю, что мой муж нас не поймет. Должно быть, и ваш тоже. В конце концов, все они похожи друг на друга.

Миссис Арбитнот промолчала. Она ведь знала, что Фредерик – совсем другое дело. Самое большее, чего можно было от него ожидать, – это что он придет ее проводить на вокзал, на прощанье весело пожелает счастливого пути и скажет, чтобы она хорошо отдохнула и не торопилась домой. Как будто и без того неясно, что он отлично обойдется без нее!

¹ Гинея – первоначально чеканилась из гвинейского золота и приравнивалась к фунту стерлингов или к двадцати шиллингам.

«Счастливая, – подумала она, взглянув на миссис Уилкинс, – муж будет ждать ее, скучать. Насколько же это лучше, чем чувствовать себя одинокой и никому не нужной!» Но вслух она не сказала ничего, и миссис Уилкинс так и осталась в убеждении, что ее замечание верно. Она гордилась неожиданно появившейся проницательностью, и, пожалуй, было хорошо, что миссис Арбитнот не стала ее разочаровывать. Занятая своим планом, Лотти хорошела просто на глазах. Вероятно, ее муж правильно советовал ей заняться делом. Как только оно нашлось, молодая женщина сразу же изменилась. В ней начали проявляться задатки предприимчивости и даже некоторой смелости. Хотя она по-прежнему робела перед своим мужем, но уже перестала вздрагивать при одной мысли о том, что ему придется рассказать о своей вопиющей расточительности. Впрочем, она уже почти придумала, как этого избежать, хотя бы на первых порах.

Весь день женщины не находили себе места. Они понимали, что если ничего не придумают, то придется отказаться от своей мечты, и от этого тоска по морю и замку становилась нестерпимой. Нужно было искать выход, и выход нашелся.

Миссис Арбитнот решила вопрос с рекомендательным письмом. Она зашла в банк и с виноватым видом сняла со своего счета шестьдесят фунтов (ей казалось, все знают, для чего нужны эти деньги, и презирают ее за безрассудство). Потом она отправилась прямо к владельцу замка и предложила ему немедленно получить всю сумму с условием, что он забудет о рекомендательном письме. Мистер Бриггс посмотрел на выбившиеся из ее прически пряди волос, а заглянув в глаза молодой женщины, заметил, что в них стоят слезы, и сказал:

– Мы сейчас все уладим. Присядьте, пожалуйста.

Несмотря на взъерошенный вид, миссис Арбитнот сразу же понравилась ему. Мистер Бриггс был человеком еще молодым и очень романтичным. Он не подозревал, что простое деловое объявление в газете может вызвать такую бурю эмоций, но решил, что вполне может сдать замок этой красивой женщине, которая внушала доверие с первого взгляда... Миссис Арбитнот действительно была очаровательна в этот день. Волнение стерло выражение вечного раскаяния с ее лица, окрасило бледные щеки румянцем и заставило глаза заблестеть.

Когда молодая женщина села, мистер Бриггс решил, что нужно дать ей время успокоиться, и начал вежливый разговор:

– Не правда ли, сегодня прекрасный день? Вам очень понравится в замке, там всегда много солнца. Ваш муж тоже едет?

Миссис Арбитнот привыкла всегда говорить правду. Она забормотала что-то невнятное, из чего мистер Бриггс сделал вывод, что она вдова, ее муж погиб, должно быть, во время войны. Он почувствовал себя очень неловко: «Надо же, какая бестактность! Нужно немедленно извиниться».

– Мне очень жаль, – краснея, пробормотал он. – Я не имел в виду ничего... хм...

Если бы миссис Арбитнот догадалась, к какому заключению он пришел, то немедленно разубедила бы молодого человека. Она не терпела лжи и ни в коем случае не позволила бы никому так заблуждаться на свой счет. Однако она была так занята своими мыслями, что пропустила его извинения мимо ушей.

Ее молчание окончательно смутило бедного мистера Бриггса, и он поторопился принести бумаги. Необходимые формальности заняли совсем немного времени, и договор об аренде был подписан. Миссис Арбитнот передала владельцу замка деньги, а он вручил ей копию договора. Теперь на ближайший месяц замечательный замок на берегу Средиземного моря принадлежал подругам. Она представила себе, как будет счастлива Лотти, и просияла.

– Думаю, теперь все в порядке, – сказал Бриггс и, кладя в портмоне шесть банкнот по десять фунтов, улыбнулся миссис Арбитнот: – Ну что же, я стал немного богаче, а вы, я надеюсь, немного счастливее. Теперь у меня есть деньги, а у вас Сан-Сальвадор. Кажется, я совершил выгодный обмен.

– Вам виднее, – ответила миссис Арбитнот с милой улыбкой.

Мистер Бриггс засмеялся и любезно распахнул перед ней дверь, заметив, что молодая женщина явно торопится уйти.

Прощаясь, он на минуту задержал ее руку в своей. Одно прикосновение к ней вселяло в него уверенность.

– Знаете, в апреле там много цветов. И к тому же море... Вы обязательно должны носить белое, это самый лучший цвет для морских прогулок, и он будет очень вам к лицу. Да, когда приедете в замок, зайдите в портретную галерею, там много ваших портретов.

– Моих?

– Я говорю о картинах с изображением Мадонны. Вы очень похожи на одну из них.

Миссис Арбитнот снова улыбнулась, поблагодарила его и распрощалась. В определении характера этого человека не возникло особых трудностей: артистичная, легко возбудимая натура. Слава богу, что все так быстро уладилось. Молодая женщина ушла, а мистер Бриггс погружился в размышления.

«Жаль, что наша беседа была такой короткой. Надо было пригласить ее на обед, – думал он. – Эта женщина просто чудо, такая мягкая и в то же время такая надежная. Добра, как мать, и ласкова, как сестра, к тому же без их недостатков». У мистера Бриггса было мало опыта в общении с сестрами. Более того, он был круглым сиротой и почти не помнил своих родителей. Поэтому его размышления о недостатках ближайших родственников не затянулись надолго, и он полностью погружился в воспоминания о первой встрече с этой необыкновенной женщиной.

«Как случилось, что я подписал договор об аренде с совершенно незнакомым человеком, даже не потребовав рекомендации, как это делал всегда? Она может подумать, что я ничего не понимаю в делах. Но требовать бумаги... с таким же успехом я мог бы спросить их у Девы Марии с младенцем на руках. Роза Арбитнот... Так было подписано ее письмо. Какое красивое имя...»

Весь день молодой человек не мог забыть свою посетительницу и начал подумывать о том, что нужно бы в течение следующего месяца съездить в Рим. У него было достаточно дел в Италии, но поездку туда молодой человек планировал совершить несколько позже. Теперь ему хотелось по дороге хотя бы на несколько часов заехать в замок, чтобы увидеть эту замечательную женщину и, если возможно, познакомиться с ней поближе.

Вот каким образом было уничтожено одно из препятствий к осуществлению великого плана. Но второе, и куда более серьезное, все еще стояло на пути предприимчивых дам. Учитывая скромные размеры сбережений миссис Уилкинс, стоимость отдыха была чересчур высока для нее. Она подумала над этим, и ей пришла в голову великолепная мысль: когда договор будет подписан и на месяц замок Сан-Сальвадор будет принадлежать им, можно будет напечатать в «Таймс» объявление, что они ищут двух компаньонов для поездки в Италию на месяц.

То, что таким образом на аренду уйдет не половина, а только четверть ее сбережений, было большим утешением для миссис Уилкинс. Она готова была принести в жертву все, но мысль о том, что этого может не хватить и придется попросить у мужа хотя бы еще один пенни, была ужасна. Достаточно плохо было и то, что нужно будет прийти и сказать: «Я истратила все свои деньги», но это... В том случае, если ее доля составит всего пятнадцать фунтов, кое-что должно остаться. И потом, она рассчитывала, что сможет сильно сэкономить на еде. Собирать оливки в своем саду, или ловить рыбу, или что-нибудь в том же роде. Конечно, это были наивные мысли, но миссис Уилкинс готова была на любые лишения, чтобы только не потерять возможность оказаться в волшебном месте, которое уже казалось ей раем.

Конечно, был способ свести расходы почти к нулю. В замке могло устроиться восемь человек, тогда каждый заплатил бы немногим больше семи фунтов. Но дело в том, что всем пришлось бы жить по двое, а делить комнату с незнакомыми людьми не очень-то приятно. Вряд

ли дом, в котором поселятся восемь дам, будет мирным. Им обеим хотелось покоя и отдыха, а эта идея входила в явное противоречие с этим желанием. Поэтому от нее отказались сразу же.

Как бы то ни было, но только две дамы во всей Англии изъявили желание присоединиться к поездке, поэтому долго думать над кандидатурами не пришлось.

Подруги боялись, что к ним хлынет ливень писем и придется кому-то отказывать, но оказалось, что мало кто интересуется отдыхом в неурочное время.

– Вот и хорошо, именно столько, сколько нам нужно, – повторяла миссис Уилкинс, счастливая, что катастрофы удалось избежать.

– Думаю, неплохо было бы иметь возможность выбирать, – благоразумно возражала ей миссис Арбитнот. Она рассчитывала на общество двух скромных дам одного с ними достатка и общественного положения, но одна из кандидаток настолько сильно выходила за рамки ее представлений о компаньонках для совместного отдыха, что молодая женщина просто не знала, что делать.

– Вы имеете в виду, что тогда нам не пришлось бы ехать вместе с леди Каролиной Дестер? – уточнила миссис Уилкинс, которая отлично понимала состояние подруги.

– Я этого не говорила, – мягко запротестовала миссис Арбитнот.

– Нам не обязательно ее приглашать. Даже один человек может спасти положение. – Не обязательно, чтобы нас было именно четверо.

– Но почему бы ее и не взять? Судя по письму, это то, что нам нужно.

– Да, если судить по письму... – произнесла миссис Уилкинс с явным сомнением в голосе.

Она чувствовала, что будет ужасно стесняться леди Дестер. Молодая женщина никогда не общалась с аристократами, не знала, как принято себя вести с ее светлостью. Странно было уже то, что юная леди решила ответить на их объявление и совершенно не смутилась, когда узнала подробности. Она была на все согласна и просила только известить ее, когда можно будет выехать. Обе женщины ничего не понимали, но решили, что все выяснится при встрече.

Разговор с леди Каролиной, однако, прошел очень успешно. Ее глубочайшим желанием на тот момент было расстаться со всеми, кого она когда-либо знала. Придя в клуб на авеню Шефтсберри и познакомившись со своими возможными компаньонками, ее светлость поняла, что это именно то, что ей нужно. Поехать в Италию, при этом избавившись как от скучных отелей, так и от разговоров о знакомых, просто по той причине, что никто из спутниц их не знал, не знает и никогда не познакомится ни с одним из них, – вот это действительно отдых. Она спросила о четвертой даме и, услышав совершенно незнакомое имя, успокоилась. Четвертой была некая миссис Фишер, обитательница скромного домика на бульваре Принца Уэльского.

Леди Дестер никогда не слышала ни об этом месте, ни о миссис Фишер, так что могла не бояться появления знакомого лица. Она спросила, знает ли кто-нибудь, где находится это место.

– В Лондоне, – ответила миссис Арбитнот.

– Правда? – вежливо удивилась леди Каролина.

Все это выглядело чрезвычайно умиротворяющим с ее точки зрения. Подруги были такими простыми и скромными, что нечего было опасаться навязчивости с их стороны. Напротив, они явно робели перед ее высоким происхождением. Конечно, леди Дестер могла позволить себе отдыхать на лучших курортах мира, но ее одолел приступ мизантропии, ее тянуло просто на лоно природы. Ей надоели светские приемы, танцы, сплетни, драгоценности, надоела светская жизнь вообще. Ехать на модный курорт было то же самое, что оставаться в Лондоне: те же люди, та же суета. Леди Каролине хотелось побыть одной. Судя по всему, в ее жизни намечался какой-то перелом, и ей хотелось встретить этот момент одной, без назойливой опеки и бессмысленного веселья кругом. Все ее знакомые были уверены, что молодая леди совершает эксцентричный поступок, а ей просто-напросто так надоело все вокруг, что она была готова на все.

Все обсудив, подруги приняли предложение леди Каролины. Оставалась еще четвертая кандидатка, но ее они боялись гораздо меньше. Пожилая дама шестидесяти с лишним лет от роду не могла доставить много хлопот. Она была уже не в том возрасте, чтобы постоянно следовать за ними повсюду. Скорее всего, у нее найдутся свои дела, которыми она будет спокойно заниматься весь месяц, не мешая молодежи наслаждаться природой. Они написали ей письмо, приглашая приехать в тот же клуб и все обсудить.

Миссис Фишер ответила, что с удовольствием приняла бы приглашение, но не может приехать, так как страдает ревматизмом и не может передвигаться без помощи трости. Все это она объяснила в письме и попросила миссис Арбитнот и миссис Уилкинс нанести ей визит. При этом она назначила день и час, по всей вероятности не сомневаясь в ответе. Они подумали немного и согласились.

– Но как же она поедет в Италию, если не может даже ходить? – громко возмущалась миссис Уилкинс по дороге. День был дождливый, и ей мало улыбалось лишний раз ехать в Лондон по незнакомому адресу.

– Потерпите, мы скоро сами все увидим, – успокаивала ее подруга.

Они вошли в старый, сильно запущенный дом. Дверь открыла служанка, не менее старая, и пригласила их пройти к хозяйке. Подруги вошли в гостиную, и первое, что бросилось им в глаза, – это аквариумы с золотыми рыбками. На фоне стен с потемневшими обоями, увешанными картинами и выцветшими фотографиями, они казались странными драгоценными камнями, парящими в зеленой воде.

Хозяйка встала им навстречу, тяжело опираясь на палку. Первым делом миссис Уилкинс задала ей вопрос, который так волновал ее, но в несколько смягченной, вежливой форме.

Миссис Фишер объяснила, что езда в поезде совсем не то, что прогулки по улице. Хотя она и не способна долго находиться на ногах, но ее сил вполне хватит, чтобы добраться до Италии, пользуясь подходящим транспортом. До тех пор, пока на свете существуют поезда, коляски и носильщики, каждый человек способен путешествовать, если имеет к этому хотя бы малейшую склонность.

В общем и целом с первого взгляда старая леди понравилась обеим подругам. Несмотря на несколько ограниченную способность к передвижению, она оказалась очень приятным собеседником: вежливым, спокойным и образованным. Годы не отняли у нее способности рассуждать здраво, и она до сих пор прекрасно владела искусством вести разговор. И, хотя она выглядела несколько самодовольной, дамы решили, что она вполне приятная пожилая леди.

Миссис Фишер носила траур, несмотря на то, что муж ее скончался одиннадцать лет назад. Она, впрочем, не стала ни говорить о нем, ни расспрашивать о семейной жизни своих визитерш, чем очень их порадовала. Видимо, у нее создалось впечатление, что остальные тоже потеряли своих мужей. Когда же леди Дестер сказала, что до сих пор еще не была замужем, миссис Фишер ответила, что все хорошо вовремя, и тут же перевела разговор на другое. Она воспитывалась еще во времена королевы Виктории, когда не принято было при первом знакомстве обсуждать детали личной жизни. О них вообще предпочтительнее было молчать в хорошем обществе, но молодые женщины этого не знали, и миссис Фишер, мысленно посетовав на распушенность молодого поколения, перешла к своей любимой теме.

Ее отец был известным критиком, и в свое время в его доме бывали все, кто что-либо представлял собой в области литературы и искусства. Таким образом, миссис Фишер с детства вращалась среди знаменитостей. У девочки оказалась прекрасная память, и она бережно хранила дорогие воспоминания о замечательных людях. Так, однажды она чем-то рассердила Карлайля, и тот бросил на нее хмурый взгляд. Теннисон шутил по поводу длины ее косичек, а Мэгтью Арнольд качал на коленях, когда она была еще совсем маленькой.

Весь дом, унаследованный миссис Фишер от отца, был напоминанием о блистательных вечерах, на которых когда-то бывали лучшие люди своего времени. На стенах висели сотни

фотографий с автографами знаменитостей, в доме было много книг. Сама миссис Фишер показала подругам полностью погруженной в прошлое. Она могла говорить только о нем и весь вечер рассказывала забавные и поучительные истории о великих художниках и писателях, но эта отрешенность от настоящего была для подруг лучшей рекомендацией. Миссис Фишер хотела только одного: чтобы ей не мешали сидеть на солнце и вспоминать в свое удовольствие. Других радостей в жизни у нее не было, да ей и не хотелось их иметь. Она пережила всех своих родных, но не чувствовала себя одинокой среди дорогих теней.

Судя по обстановке дома, простой, но дорогой, миссис Фишер не нуждалась в средствах и вполне могла себе позволить небольшой отдых.

Кроме всего прочего, Лотти очень заинтересовалась старой леди. Она всегда была без ума от знаменитостей и хотела знать о них как можно больше. Поэтому она задала вопрос, который первым пришел ей в голову при виде старых дагерротипов:

– Скажите, вы встречались с Китсом?

Миссис Фишер ответила с некоторым удивлением, что не имела возможности познакомиться с Китсом точно так же, как и с Шекспиром. Она родилась уже после того, как он умер.

– Конечно же, как это глупо с моей стороны! – воскликнула миссис Уилкинс, отчаянно краснея. – Это из-за того, что люди, обретшие бессмертную славу, кажутся нам живыми, не так ли? Как будто они могут вот-вот войти в комнату. Однажды мне показалось, что я видела его, – продолжала она в то время, как миссис Фишер изумленно разглядывала ее поверх очков. – Я видела его в Хэмпстеде, возле того дома... Знаете, того, где он жил...

Тут миссис Арбитнот сказала, что как ни жаль, но им пора. Миссис Фишер не стала возражать.

– Я действительно думаю, что это был он, – продолжала бедная миссис Уилкинс, переводя взгляд с одной дамы на другую, в то время как краска то прилиwała к ее лицу, то отлиwała. – Я видела его! Он был одет в...

Нежнейшим голоском миссис Арбитнот напомнила, что они и так уже сильно задержались.

Именно в этот момент миссис Фишер спросила, есть ли у посетительниц рекомендательные письма к ней. Причина была очень проста. Ей как-то не хотелось оказаться запертой на четыре недели вместе с женщиной, которая видит духов. В замке с тремя гостиницами можно устроиться так, чтобы не сталкиваться с миссис Уилкинс, но что, если ей вдруг придет в голову увидеть покойного мистера Фишера, спокойно прогуливающегося по саду? Это было бы совсем нежелательно. Мистер Фишер мертв и должен оставаться мертвым. Следовало бы выяснить, все ли у этой женщины в порядке с головой. Именно для того, чтобы навести справки, она и спросила о рекомендациях, но ее собеседницы были так шокированы, что пришлось добавить:

– Это всегда так делается, поэтому я и интересуюсь.

Миссис Уилкинс оправилась первой:

– Разве не мы должны были вас об этом попросить?

Такой подход к делу показался миссис Арбитнот очень разумным. Раз это они предложили миссис Фишер принять участие в поездке, как она могла чего-то еще требовать? Если говорить о рекомендательных письмах, то должна была их представить именно старая леди. Роза кивком одобрила вопрос подруги.

Вместо ответа, миссис Фишер подошла к столу, взяла перо, твердой рукой начертала несколько имен и протянула листок посетительницам. Имена, написанные на бумаге, были такими уважаемыми, такими значительными, такими, можно сказать, августейшими, что все разговоры немедленно прекратились. Кто осмелится побеспокоить президента Королевской академии или архиепископа Кентерберийского расспросами?

– Все они знали меня еще ребенком, – сообщила пожилая дама с гордостью в голосе.

Миссис Арбитнот не нашлась что возразить. Казалось, весь белый свет знал миссис Фишер во времена ее детства и юности. С такой поддержкой невозможно было бороться. Она уже собиралась сказать, что они не могут ничем подтвердить свою личность, кроме честного слова, но в этот момент миссис Уилкинс отважно бросились в бой. Зная, что единственный, кто может рекомендовать ее, – это Меллерш, она хотела сразу покончить с этими разговорами.

– Не думаю, что в этом есть необходимость, – сказала она, – когда речь идет о таких простых, обычных женщинах, как мы с вами. У нас нет деловых отношений, так к чему недоверие?

Миссис Арбитнот добавила:

– Не думаю, что подобное начало отдыха входит в наши планы. Мы не требуем рекомендаций от вас и не позволим наводить справки о нас. Если вы думаете по-другому, то нам лучше сразу же расстаться.

Глядя в искреннее и в то же время упрямое лицо собеседницы, миссис Фишер поняла, что совершила ошибку.

«Глупо отказываться от поездки в Италию на таких условиях, – подумала пожилая леди. – Я потрачу гораздо меньше, чем в отеле, а комфорта будет куда больше. Надеюсь, что эта девочка не будет слишком навязчивой. С головой у нее явно нелады, но я постараюсь, чтобы она мне не докучала. В конце концов, в замке достаточно места. Я постараюсь устроиться как можно удобнее и большую часть времени проводить в одиночестве».

– Хорошо, – сказала она. – Вы правы, я отказываюсь от этой идеи.

Направляясь к станции, обе женщины думали о том, что миссис Фишер держится чересчур надменно. Даже миссис Арбитнот, привыкшая к недостатку вежливости, считала, что можно было бы использовать другие слова. От пожилой леди, которая казалась такой интеллигентной, она ожидала более уважительного отношения, тем более к дамам, которые, что там ни говори, оказывали ей услугу. Что же касается миссис Уилкинс, она просто кипела от негодования.

– Если и нужно от чего-то отказаться, так это от ее общества, – говорила она, едва успев выйти из дома.

Ей казалось, что пожилая леди возмутительно, безобразно, непереносимо самодовольна. Воспоминание Лотти о том, как она видела Китса возле его дома, было одним из самых драгоценных, и молодая женщина поделилась им бескорыстно, только для того, чтобы оживить разговор. Она и сама понимала, что это не могло быть не чем иным, как видением, но тем более это заслуживало внимания. С тех пор как она уверовала в то, что может видеть невидимое, ей казалось, что в жизни что-то изменилось. Вдруг появившееся самоуважение подсказывало, что к ней отнеслись неуважительно, сочли неуравновешенной и недостойной серьезного отношения. Поэтому зародившаяся было симпатия к пожилой леди, у которой были такие широкие и интересные знакомства, сменилась жгучей неприязнью.

В поезде она немного остыла, не встретив поддержки, но заявила, что уж в замке Сан-Сальвадор эта женщина поймет, где ее место.

– Я просто вижу, как она скукоживается, – заявила миссис Уилкинс, когда подруги удобно устроились в вагоне.

Миссис Арбитнот сидела, сложив руки на коленях, и обдумывала, каким образом можно добиться того, чтобы ее подруга не видела так много или, по крайней мере, не говорила о своих видениях вслух. Ей тоже не понравилось это неожиданное выступление. Хотя она, как добрая христианка, верила в чудеса, но вовсе не хотела, чтобы они происходили в обыденной жизни. Выше всего миссис Арбитнот ценила трезвый взгляд на мир и присутствие духа. Хотя она успела полюбить молодую женщину, такую открытую и целеустремленную, но считала, что ей не помешало бы иметь больше здравого смысла и не воображать так много. Роза видела, что ее новая подруга гораздо проницательнее, чем кажется с первого взгляда, однако не всегда владеет собой.

«Она необыкновенная женщина, но нуждается в том, чтобы ею кто-то руководил. Иначе последствия могут быть самыми плачевными. Ничего, когда мы познакомимся поближе, я научу ее, как себя вести. Да и отдых должен пойти ей на пользу», – думала миссис Арбитнот, в то время как поезд быстро мчал обеих женщин домой, в Хэмпстед.

Глава 4

Поскольку договор об аренде был благополучно подписан и оказался в руках у подруг, они не хотели медлить. Решено было, что миссис Уилкинс и миссис Арбитнот приедут первого апреля, чтобы освоиться в замке. Две другие дамы, незнакомые друг с другом и потому не обязанные ехать вместе, должны были появиться утром следующего дня. Они считались как бы гостями замка, и поэтому к их приезду нужно было все тщательно подготовить.

Таким образом, все устроилось как нельзя лучше. Они собрали вещи и подготовились к поездке. Правда, до того, как все было улажено, произошло несколько неприятных происшествий. Не так уж просто было сорваться с места и отправиться в Италию. До того, как все было решено, обоим молодым женщинам пришлось пережить немало неприятных минут.

В конце марта миссис Уилкинс наконец сообщила своему супругу, что едет в Италию. Самое ужасное, что она так и не решилась сказать всю правду. Вместо этого она сообщила Меллершу, что одна подруга собирается провести месяц в замке и предлагает ей отправиться туда вместе с ней. Нельзя сказать, чтобы это была ложь, но в то же время этим было сказано далеко не все, и Лотти мучили угрызения совести. В момент разговора ее сердце ушло в пятки, на лице застыло виноватое выражение, а когда дошло до упоминания денег, она и вовсе замолчала. Таким образом, этот вопрос остался непроясненным. Однако эти частности Меллерш пропустил мимо ушей. Его интересовал сам факт, что жена куда-то уезжает, и это было настолько невероятно, что он не сразу подумал о подробностях. В первый момент Меллерш просто отказался поверить в такую нелепость и решил, что ослышался. Конечно же, это было абсолютно невозможно, потому что никто никогда не приглашал его жену вот так отдохнуть за границей. Более того, никогда раньше он не слышал, что у жены есть подруги, тем более такие богатые и щедрые. Поскольку речь шла о гостеприимстве, ясно, что все расходы берет на себя хозяйка. Мистер Уилкинс даже не вспомнил о сбережениях своей жены. Это был неприкосновенный запас, которому полагалось лежать в банке на случай непредвиденных расходов, и ему даже в голову не могло прийти, что она способна взять оттуда хотя бы пенни.

Таким образом, нужно было выяснить, откуда взялась эта незнакомая хозяйка заграничного замка и почему она так неожиданно прониклась дружелюбием к его бесцветной, скучной спутнице жизни. Собственно, до самого конца Меллерш отказывался верить в существование этой особы. Он потребовал доказательств ее существования, и миссис Уилкинс пришлось уговорить подругу прийти к ней в гости.

Никак не предполагавшая, что ей придется встретиться с мистером Уилкинсом и при этом говорить вещи, весьма далекие от правды, миссис Арбитнот держалась предельно сковано и говорила мало. Она старалась не солгать и в то же время не подвести подругу. Таким образом, мистер Уилкинс остался в заблуждении, но, поскольку не в его правилах было отказываться от счастливого случая, его жене было дано разрешение отправиться в это путешествие. Бесплатный отдых на море был просто подарком судьбы. Меллерш, при его бережливой натуре, ни за что не отказался бы сэкономить, поэтому и принял предложение после того, как первый приступ удивления прошел. Это нарушало некоторые его планы, но избавляло от лишних расходов.

Миссис Арбитнот вернулась домой после посещения подруги с тяжелым чувством. Вся ее правдивая натура восставала против фарса, который пришлось разыграть для того, чтобы уговорить мистера Уилкинса отпустить Лотти в Италию. При этом она не произнесла ни слова лжи (собственно говоря, она вообще почти ничего не произнесла), но и не рассеяла заблуждения достойного джентльмена. Она знала, что в глазах Всевышнего такое молчание – та же самая ложь, и чувствовала себя еще большей грешницей. Чем дольше бедняжка молилась, тем

более недостойной она себя чувствовала, и наконец она уверилась в том, что давно уже подзревала: она все дальше уходит с пути Господнего.

Вообще, этот март был для нее нелегким месяцем. Миссис Арбитнот обуревали сомнения. Она привыкла мыслить разумно и не могла справиться с бурей эмоций, которые непрерывно изводили ее. Сомнения проникли даже в ежедневные молитвы, мучая постоянными вопросами:

«Не лицемерю ли я? Действительно ли я хочу того, о чем прошу тебя, Господи?»

Она спрашивала себя об этом снова и снова, но не могла найти ответа и продолжала страдать от непривычной путаницы в мыслях. Давно уже ей не хотелось ничего настолько сильно, что само по себе было греховным. В церкви она всегда слышала, что благочестивый человек всегда спокоен, тому, кто свято следует пути Господнему, волноваться не о чем. Раз она не находит покоя, значит, ее желание было изначально греховным, хотя, на первый взгляд, в нем нет ничего особенного. Уже много лет Розе не удавалось как следует отдохнуть, выбраться на природу, и, казалось бы, ничего страшного в таком желании нет. Ее смущало то, что ее желание обрело над ней такую власть, оно мешало думать о тех заботах, которые долгие годы составляли смысл ее жизни. Теперь они как бы отодвинулись на второй план, – это лишало ее покоя и рождало новые сомнения.

Установившаяся сырая, ветреная погода тоже не способствовала сохранению душевного равновесия. Ее подопечные страдали бронхитом, простужались, мучились ревматизмом. И в это время драгоценные деньги, которые можно было бы потратить на лечение, уходили на то, чтобы одна, всего одна счастливица отправилась на благословенный юг и наслаждалась всеми радостями жизни в то время, как несчастные больные страдают в дождливом Лондоне! Она не задумывалась о том, что не смогла бы взять никого с собой, даже если бы захотела. Ей казалось, что просто несправедливо пользоваться преимуществами, которых бедные люди не имеют. Чистая, честная душа молодой женщины страдала оттого, что она не может им помочь, но хочет сама наслаждаться роскошью свежего воздуха и солнца. Что с того, что и они с мужем были небогаты, просто немного обеспеченнее своих соседей? Она могла бы сделать благое дело для других, но не делала, и поэтому непрерывно мучилась угрызениями совести. Бедной женщине даже не приходило в голову, что она уже много лет совершенно не заботилась о себе. Она считала это своим христианским долгом и болела душой за других, несправедливо считая, что ее жизнь уже кончена.

Миссис Арбитнот начала бояться смотреть в глаза своему доброму другу викарию. Он ничего не знал, никто ничего не знал, но стыд все равно оставался мучительно сильным. Произносить речи и просить прихожан о милосердии также стало невозможно. Как она могла взывать к чьим-либо добрым чувствам, в то время как сама себялюбиво и беспечно растрачивала деньги, которые могли помочь многим беднякам? К глубокому удивлению священника, она отказалась от обычных благотворительных дел и даже не хотела ничего обсуждать, хотя раньше они проводили целые часы, решая, что же делать с теми или иными нуждами подопечных.

Разговор с Фредериком не принес ни малейшего облегчения. Когда она, в попытке возместить то, что так беспечно промотала, попросила у него денег, Фредерик молча выдал ей чек на сто фунтов. Никаких вопросов, как будто его только радовало, что жена начала тратить его средства и больше не стесняется того, откуда они берутся. Миссис Арбитнот покраснела до корней волос, принимая чек, а ее сомнения в правильности происходящего стали еще сильнее. Сто фунтов немедленно были пожертвованы различным благотворительным организациям, но тяжелое чувство не проходило. Она по-прежнему считала мужа грешником и, принимая от него деньги, полагала, что тоже совершает тяжелый грех. Она не стала говорить мужу, что собирается уезжать, потому что знала, как он отреагирует на это. Ее корбила радость, с которой Фредерик с ней расставался.

Миссис Уилкинс была куда счастливее своей подруги. Ее не мучили никакие сомнения. Она была полностью уверена в том, что делает благое дело, тратя свои сбережения на свое удовольствие.

– Подумайте, какими красавицами мы вернемся оттуда! – обнадеживала она подругу. Впрочем, не все было так просто. Сомнений не было, но были страхи. И вскоре они оправдались вполне. Согласие Меллерша далось не так легко, как казалось Лотти, ей пришлось пережить несколько неприятных минут.

Весь последний месяц миссис Уилкинс старалась по возможности угодить Меллершу и готовила только его любимые блюда, зная, как он неравнодушен к хорошей кухне. Чего угодно (но не требующего расходов) можно было добиться от него после хорошего обеда, и никто не знал об этой его особенности лучше жены. Поэтому в последнее время она вкладывала всю душу в его обеды. Меллерш был чрезвычайно доволен и начал думать, что его жена все-таки не настолько плоха, как это казалось раньше. Именно такое благодостное расположение духа и привело к трагедии. Расположение его к своей половине привело к тому, что он решил сделать ей приятный сюрприз.

За две недели до отъезда и за неделю до того, как миссис Уилкинс собиралась сообщить мужу, что арендовала в складчину замок, случилось страшное. За обедом Меллерш съел две порции йоркширского пудинга, большой абрикосовый торт на десерт, и это привело его в чрезвычайно благодостное расположение духа. Он сказал с видом человека, который сообщает приятную новость:

– Я подумываю о поездке в Италию на Пасху, – и умолк в ожидании благодарственных слов жены, но их не последовало.

Тишина в комнате была полной, за исключением шума ветра за окном и потрескивания дров в камине. Миссис Уилкинс просто онемела от неожиданности. Она планировала открыть мужу свою тайну в следующую субботу и теперь просто не находила слов, чтобы объяснить ему, в чем дело.

Мистер Уилкинс не был за границей уже много лет, и идея совершенно захватила его. Надоевшая холодная, ветреная погода делала мечту об итальянском солнце особенно притягательной. Дела шли хорошо, можно было позволить себе небольшой отдых, а поскольку ехать без жены было бы неприлично, он решил взять ее с собой. Кроме того, она будет очень полезна. Если едешь в чужую страну и не знаешь языка, то спутник просто необходим, хотя бы для того, чтобы было с кем поговорить.

Отсутствие ожидаемого взрыва восторга было ему совершенно непонятно. Мистер Уилкинс немедленно начал раздражаться.

«Она, должно быть, не расслышала. Вечно спит с открытыми глазами, дуреха. Боже, как можно быть таким ребенком в ее возрасте», – с возмущением подумал Меллерш.

– Я сказал, – повторил он своим звучным, хорошо поставленным голосом, – что мы едем в Италию на Пасху. Ты слышишь меня или нет?

Да, она слышала и сейчас лихорадочно думала, что сказать.

«Я скажу... Боже, я совершенно к этому не готова... Скажу, что моя подруга пригласила меня именно на Пасху... Пасха ведь в апреле, разве нет? Пригласила к себе, в свой дом на Средиземном море».

Одолеваемая страхом и чувством вины, совершенно потерявшая голову от неожиданности, миссис Уилкинс говорила еще более бессвязно, чем обычно. Это было самое ужасное утро в ее жизни. Меллерш, глубоко негодуя, подверг ее суровому допросу. Он настаивал на том, чтобы его жена отказалась от приглашения. Раз она его так необдуманно приняла, то пусть сама напишет и откажется. Встретив неожиданно стойкое сопротивление, он усомнился, что приглашение действительно существовало. Кто такая эта миссис Арбитнот? Он никогда раньше о ней не слышал. Пришлось пригласить ее на обед, чтобы она подтвердила слова миссис Уил-

кинс. Это принесло нужный эффект, так как не поверить миссис Арбитнот было невозможно, она выглядела весьма уважаемой особой. Но, к сожалению, сама она страдала ужасно, и в большой степени это привело к тому, что молодая женщина совсем измучилась за последний месяц.

Остаток марта прошел, как в страшном сне. Тридцатого марта, когда все было решено и начались приготовления к отъезду, две несчастные женщины, снедаемые чувством вины, не испытали никакого ощущения праздника.

– Мы слишком хорошо себя вели, – не переставала ворчать миссис Уилкинс в то время, как они бродили взад и вперед по платформе вокзала «Виктория», куда приехали на час раньше срока, – слишком, слишком хорошо. Простое человеческое существо не может быть настолько добродетельным, это противостоит природе.

Она скрестила руки на груди и воскликнула:

– О, только представьте себе, как счастливы мы были бы этим самым утром, на этом самом месте, если бы не позволили им все испортить! И ведь все, чего мы хотели, – это просто немного от них отдохнуть!

Миссис Арбитнот, никогда не распространявшаяся о своих отношениях с мужем, промолчала и в этот раз. Говорить было бы слишком больно. Фредерик как раз заканчивал одну из своих ужасных книг и в последние несколько недель почти не бывал дома. Его совершенно не интересовало, где была его жена и чем занималась. В день отъезда миссис Арбитнот накрыла стол к завтраку и написала мужу записку, что уезжает на месяц. Ей нужен отдых. Прислуге даны соответствующие указания, она позаботится о его удобствах. В записке не было указания места, куда она направлялась: к чему, ведь это никому не интересно, Фредерик вовсе не думал о том, где и с кем проводит время его жена.

Таким образом, отважных путешественниц никто не провожал. Какое-то время миссис Арбитнот в глубине души лелеяла надежду, что ее муж придет утром домой, увидит записку и поторопится на вокзал, чтобы хотя бы проводить ее. Но чуда не произошло. В то время, когда она вертела головой из стороны в сторону, высматривая его в толпе, он спокойно сидел в своей лондонской квартире у камина, погруженный в безнравственные похождения своих героинь и совершенно забыв о том, что у него вообще есть жена. Что касается мистера Уилкинса, то в это утро он, как обычно, в положенный час отправился к себе в контору. За завтраком он дал жене множество полезных советов и снабдил ее наставлениями, которые были настолько же длинными, насколько и скучными. Он даже не обратил внимания на то, что жена не слышит ничего, так она взволнована поездкой. Мистеру Уилкинсу не так уж нужны были слушатели. Он наслаждался своим красноречием и не требовал от окружающих ничего, кроме почтительного молчания. Таким образом, Лотти тоже отбыла на вокзал в одиночестве и встретила там со своей подругой, вместе с которой провела час в нетерпеливом ожидании поезда.

Путешествие начиналось ужасно, погода была сырой, и дамы чувствовали себя совершенно разбитыми. Они плохо спали предыдущую ночь, да и вообще, пожалуй, весь прошлый месяц не имели возможности отдохнуть, так много проблем нужно было решить до отъезда. Впрочем, мерное покачивание вагона быстро их убаюкало, а после уже началась другая жизнь.

К миссис Уилкинс пришло ощущение праздника. Только теперь она по-настоящему поняла, что ее мечта исполнилась, что Меллерша нет поблизости, и не будет, а она сама едет в Италию, чтобы провести месяц в волшебном замке у моря. Она расслабилась, повеселела и вскоре заразила своей живостью молчавшую до сих пор подругу. Они разговорились и стали мечтать о будущем, которое уже представлялось им вполне радужным.

В Кале они решили пообедать. Миссис Уилкинс заказала палтуса, наслаждаясь едой в особенности потому, что это был ее собственный палтус, заказанный по доброй воле, а не потому, что Меллерш любит эту рыбу. Давно уже ей не приходилось выбирать еду по своему вкусу. В случаях, когда ее мнение о вкусных блюдах совпадало с мнением Меллерша, обед нравился им обоим. В противном случае ей оставалось молча есть, потому что мистер Уил-

кинс не мог простить двух вещей – неумеренных расходов и невкусных блюд. Если на столе не появлялось то, что он любит, еда превращалась в пытку. Лотти давно уже поняла, что благоразумнее избегать эксцессов. На этот раз ей удалось поесть вволю, не оглядываясь на мужа. Эти мелочи делали все ярче ощущение свободы, которое переполняло молодую женщину. Чем дальше поезд уходил от Лондона, тем менее значительным казался ей супруг. Молодая женщина только сейчас, через несколько лет после свадьбы, поняла, как сильно давил на нее авторитет мужа и насколько его присутствие меняло всю ее жизнь. Теперь это все позади.

Ей приходили в голову курьезные мысли. В то время как их поезд пересекал Францию, она думала о том, что во всей этой огромной стране никто никогда не слышал о Меллерше, и это было большим утешением, как будто она сбросила тяжелый груз и теперь могла поступать, как захочется. В Париже не было времени вспоминать об оставленных близких, так как они чуть не опоздали на пересадку, а уже в Турине и Меллерш с его обедами, и Фредерик с его книгами, и викарий, и бедные, и Хэмпстед – все стало нереальным и далеким, как сон. Подруги успокоились и наслаждались настоящим, думая о том, что будущее окажется еще прекраснее, если только это возможно. Англия была настолько далеко, что казалась сном.

Они проскочили Францию, даже толком не осмотревшись, но зато Италия была как на ладони, и обе путешественницы с восторгом вглядывались в пейзаж за окном.

Глава 5

Вдень приезда в Италии стояла пасмурная погода, и это очень огорчило подруг. Они ожидали жаркого солнца. Но стоит признать: здесь даже облака выглядели радостнее, чем в Лондоне. Ни миссис Арбитнот, ни миссис Уилкинс раньше не были за границей, поэтому все казалось им необычным. Они часами зачарованно смотрели в окно. Счастье становилось все ближе и ближе. В Генуе начался дождь, и они подумали, что он здесь совсем не такой, как в Лондоне, а сам город в пелене дождя необыкновенно прекрасен. В Нерви моросило, а когда в полночь, с большим опозданием, они прибыли в Меццаго, ливень стоял стеной. Когда они вышли из поезда, дождь лил прямым потоком прямо на зонты, вместо того чтобы проникать повсюду мелкой моросью, как в Англии. Это было довольно приятно. Такой дождь не мог продолжаться долго, а значит, впереди их ждут солнечные дни.

«Он непременно кончится, а тогда повсюду зацветут розы», – думали молодые женщины, и эта мысль мгновенно помогла смириться с плохой погодой, которая чуть не испортила им удовольствие от поездки. Более опытного путешественника смутил бы пустой перрон и необходимость искать укрытие от дождя, а потом думать, как добраться до цели своего путешествия, но молодым женщинам все казалось слишком новым и интересным, чтобы впасть в отчаяние.

Мистер Бриггс сказал, что нужно будет доехать поездом до Меццаго, а там взять экипаж. Но он забыл о том, что в Италии поезда имеют обыкновение опаздывать, и его подопечные могут приехать не в восемь часов вечера, а в полночь. Поезд опоздал на четыре часа, и дамы оказались на платформе маленькой станции, где не было ни зала ожидания, ни носильщиков и ни души кругом. Их положение было бы просто ужасно, если бы не предусмотрительность Доменико, садовника из Сан-Сальвадор. Он знал, что поезд наверняка опоздает, а ночью экипажа на станции не достать, и послал своего двоюродного брата Беппо с приказом не возвращаться без гостей. Именно этот молодой человек неожиданно возник из темноты, до смерти напугав миссис Арбитнот и миссис Уилкинс, которые стояли подле своего багажа в полной растерянности.

Беппо был весьма приличным юношей, но его неожиданное появление, быстрая непонятная речь и подозрительная шляпа очень испугали дам. Им не понравилась решительность, с которой он схватил их багаж. Правда, в потоке непонятной итальянской речи они уловили название своего замка и поспешили за ним следом, стараясь не упускать из виду чемоданы. Вскоре они увидели небольшой экипаж с поднятым верхом. Лошадь, запряженная в него, выглядела погруженной в глубокую задумчивость, но как только дамы сели, она очнулась и пустилась вскачь, оставив позади и кучера, и вещи. Бенно бросился за ней, оглашая окрестности громкими криками, и вскоре поймал вожжи, волочившиеся по земле. Он взгромоздился на козлы, на ходу объясняя перепуганным женщинам, цеплявшимся друг за друга, что эта лошадь – сильное, горячее животное и всегда торопится в путь. Он заботится о ней, как о собственном ребенке. Он говорил правду, и его речь была бы вполне уместна, если бы он не забыл, что приезжие дамы – англичанки. Несмотря на яркость и образность его речи, они только недоуменно смотрели на него. По-итальянски ни одна из молодых женщин не знала ни слова. Договариваясь об аренде с владельцем замка, они совершенно упустили из виду этот момент. Им казалось, что у молодого, воспитанного английского джентльмена прислуга в доме обязательно должна говорить на понятном языке. Однако они не знали, что мистер Бриггс провел детство в Италии, знал итальянский язык как родной и поэтому не утруждал себя наймом прислуги в Англии. Все, кто работал в замке, были родом из ближайшей деревушки. Это были простые, милые люди, работающие и нетребовательные. Мистер Бриггс не придавал большого значения церемониям, поэтому его вполне устраивало такое положение вещей, и он даже не подумал,

что у гостей могут возникнуть какие-то проблемы. Однако они были, и молодые дамы убедились в этом сразу же по приезде.

Всю дорогу Бенно продолжал говорить с ними. Он думал, что рано или поздно женщины начнут понимать его речь, надо только говорить громче и больше жестикулировать.

«Они обе, – заметил он про себя с симпатией, – очень славные. Такие беленькие, большеглазые, точь-в-точь изображение Пресвятой Девы в алтаре».

Если пассажирки показались вознице очень симпатичными, то он, с их точки зрения, выглядел настоящим чудовищем. При свете ламп, развешанных на перроне, они увидели смуглое, непривычно живое лицо и довольно потрепанную одежду, не внушавшую особого доверия к ее обладателю. Он сидел на козлах, и, как только экипаж оказался на пустой дороге, молодые женщины уже не могли рассмотреть ничего и только представляли себе того, кто правил лошадью, причем чем дальше, тем он казался страшнее. Доносившаяся из темноты быстрая, непонятная речь еще увеличивала их смятение. Им казалось, что странный человек везет их в какое-то разбойничье логово, где непременно произойдет что-нибудь ужасное. Обе женщины молились про себя и ежились от страха. Единственное, что миссис Арбитнот и Уилкинс могли сделать в продолжение этой поездки, – это время от времени переспрашивать: «Сан-Сальвадор?» – на что возница с неизменным добродушием отвечал:

– Si, si, San Salvador².

– Конечно, мы не знаем, действительно ли он нас туда везет, – сказала миссис Арбитнот после того, как они миновали деревню и уже в продолжение довольно долгого времени ехали по пустой и темной дороге.

С одной стороны тянулась невысокая стена, из-за которой слышался шум моря. Судя по всему, она должна была предохранять экипажи от падения. С другой стороны возвышалось что-то огромное и черное. Это были скалы.

– Нет, не знаем, – откликнулась миссис Уилкинс. Холодок пробежал у нее по спине.

Обе путешественницы чувствовали себя очень неудобно. Дорога была такой пустой, такой темной... Что, если сломается колесо? Что, если они встретят бандитов? Обе женщины читали газеты, в которых описывалось разнузданное поведение итальянских бандитов, и ужасно боялись их.

Женщины очень жалели, что не остались на ночь в Генуе. Казалось, что счастье так близко, что нужно спешить и как можно скорее оказаться на месте. Днем, когда было светло и кругом толпился народ, это казалось очень простым. Если бы они знали итальянский, то, скорее всего, дважды подумали бы перед тем, как продолжить путь. Все пассажиры знали, что поезд идет с большим опозданием. Если бы путешественницы поговорили с кем-нибудь из местных жителей, безусловно, получили бы совет снять на ночь номер в гостинице и спокойно поехать в Меццаго утренним поездом. Однако они этого не сделали и в результате были вынуждены терпеть все ужасы и неудобства ночного путешествия. Вдобавок обоим смертельно хотелось спать. Они ужасно устали, но коляска, которую то и дело бросало из стороны в сторону на поворотах, и резкий, пронзительный голос возницы, не умолкавшего ни на минуту, не располагали к отдыху. Обе бранили себя за непредусмотрительность. Что с того, что полдня были бы потеряны из-за непредвиденной остановки. Это ничего в сущности не меняло. Правда, тогда они нарушили бы свои планы, но теперь, темной ночью, это уже не казалось таким уж важным. В крайнем случае, их случайные компаньонки могли бы сами позаботиться о себе. Они не выражали никакого желания, чтобы к их приезду специально готовились, и, следовательно, не могли ожидать особого отношения. Хотя втайне подруги считали себя временными владелицами Сан-Сальвадор, а остальных – только жильцами, но если рассудить здраво, все в равной мере вносили свою долю за аренду, а значит, пользовались равными правами.

² Да, да, Сан-Сальвадор (*ит.*).

Беппо то и дело поворачивался к своим спутницам, для того чтобы пояснить свою речь особенно выразительным жестом. Не важно, что они почти не могли разглядеть этого в темноте; молодой человек был уверен, что его прекрасно понимают. На самом деле женщины умирали от ужаса, потому что Беппо каждый раз отпускал поводья, чтобы освободить себе руки, и лошадь на это время оставалась без присмотра. Как они жалели, что в свое время не удосужились выучить итальянский язык. Не имея возможности сказать хоть одно слово, которое их возница мог бы понять, они изо всех сил махали руками и показывали вперед.

Бенно решил, что его просят ехать быстрее, и пустил лошадь вскачь. Следующие десять минут экипаж мчался с невероятной быстротой, подсакивая на ухабах, ежеминутно грозя опрокинуться и вывалить седоков на дорогу. Все это продолжалось до тех пор, пока возле Костанего дорога не начала круто подниматься вверх. Лошадь за долгие годы успела изучить каждый дюйм этого пути и немедленно перешла на неторопливый шаг.

Уверенный, что доставил удовольствие своим спутницам, Бенно повернулся в ожидании благодарности. Он был очень горд резвостью своего скакуна, однако дамы не разделяли его восторга: если это возможно, они еще больше побледнели. Юноша просто умилялся, глядя, как их нежные личики светятся в темноте. Ему казалось, что он везет святых, в то время как это были всего лишь две перепуганные женщины, которых беспечность возницы и темнота довели почти до обморока.

Когда экипаж поднялся на вершину холма, впереди показалась деревня. Закончилась стена скал, стих шум моря, и появились дома. Нигде не было ни огонька, вокруг ни души. Все обитатели деревни давно уже отправились спать, и никто не интересовался запоздавшими путешественницами. В этих местах крестьяне вставали с первым лучом солнца, чтобы приняться за свой ежедневный труд, и потому ложились очень рано, чуть ли не сразу после заката.

Притихший было, Беппо приподнялся на козлах, щелкнул кнутом и снова погнал лошадь вскачь.

«Надеюсь, осталось недолго», – подумала миссис Арбитнот, цепляясь за сиденье, чтобы не вывалиться из экипажа от внезапного рывка.

Миссис Уилкинс, сделав то же движение, прошептала:

– Надеюсь, мы скоро остановимся.

Вслух они не произнесли ничего, все равно любое слово заглушил бы грохот колес. Оставалось только изо всех сил держаться и смотреть вперед, надеясь, что скоро появится замок. К сожалению, кругом не было видно ни зги. Им казалось, что они едут уже давно и вот-вот начнет светать, но пока что ни малейшего отблеска зари не показалось на темном небе. Поднятый верх экипажа еще больше затруднял обзор. Дамы сидели как бы в небольшой коробке, из которой то и дело высовывали голову, стараясь разглядеть хоть что-нибудь впереди.

Они полагали, что минуют деревню и сразу же окажутся перед величественной средневековой стеной, сложенной из серого камня, в которой откроются массивные ворота. За ними будет сад и гостеприимно распахнутые двери замка, перед которыми их встретят слуги. Вместо этого экипаж внезапно остановился. Дамы обнаружили, что все еще находятся посреди деревни, а Беппо, перекинув вожжи через голову лошади в знак того, что дальше не поедет, спускается с козел. В тот же миг из темноты вынырнул какой-то мужчина и несколько подростков, которые стали вынимать багаж.

– Нет, нет, – закричала миссис Уилкинс, хватаясь за свой саквояж, – Сан-Сальвадор!

– Si, si, San Salvador, – услышала она в ответ.

Саквояж исчез в темноте.

– Не может быть, чтобы это был замок, – сказала она миссис Арбитнот, которая спокойно сидела на своем месте.

Она знала, что ничего не сможет сделать даже в том случае, если эти люди окажутся разбойниками, и решила отнестись к происходящему философски. Вообще, основным принци-

пом жизни для нее было во всех обстоятельствах сохранять спокойствие. Отчасти этому помогал опыт, подтвержденный многолетними наблюдениями за жизнью бедных семейств, которые вечно подстерегали неудачи и катастрофы. Отчасти же она держалась благодаря вере в Бога. Она не раз читала в Библии, что Господь не оставляет малых сих³, и верила в эти слова, как и во все, что написано в священной книге. В трудных случаях она предполагала уповать на Господа, а не на людей, суетных и ненадежных от природы.

– Думаю, что нет, – ответила она, мимолетно удивившись неисповедимости путей Господних. Неужели после всех приготовлений, и трудов, и усилий, он допустит, чтобы их ограбили и убили на пустой дороге?

Глядя, как юноши исчезают в темноте с их багажом, а возница деликатно помогает старшему разбойнику отнять последний саквояж у миссис Уилкинс, она сказала, что на все Божья воля. В этот момент миссис Уилкинс впервые испугалась за свою жизнь. Хотя из них двоих она обладала более пылким воображением, но до сих пор то предчувствие чуда, которое не оставляло ее весь последний день, мешало заметить, что происходит нечто странное. Теперь она наконец поняла, что замка все еще нет, а они находятся среди незнакомых людей с физиономиями, не внушающими доверия, и запаниковала. Ей представилось разбойничье логово, в котором исчезли их вещи и в которое они сами вскоре попадут с совершенно непредсказуемым результатом. Однако как ни страшно было бедной миссис Уилкинс, она ничего не могла поделать. Багаж исчез, ситуация не прояснилась, но понятно было, что сидеть на одном месте совершенно бессмысленно.

Ничего не оставалось, как выйти из экипажа. Повторение единственных известных им слов вызывало только эхо ответных возгласов. Они рады были бы приказать, чтобы их довели до дверей замка, но не знали даже, как сказать «дверь». Подобное невежество было просто позором, а в этих обстоятельствах еще и было опасно. Но жаловаться нечего. Оставалось только положиться на своих спутников. Так они и сделали. Сойдя на землю, подружки остановились в нерешительности, поскольку дождь все еще лил как из ведра, и они не имели ни малейшего представления, в каком направлении идти.

Мужчины открыли зонты и предложили их дамам. Это немного успокоило их, потому что бандиты вряд ли стали бы терять время на такие пустяки. Спрятавшись от дождя и собравшись с мыслями, они заметили, что мужчина с фонарем уже делает им знаки, приглашая следовать за ним, в то время как Беппо остался возле экипажа.

Молодых женщин обуревали самые разные мысли. Нужно ли дать вознице денег? Если он привез их, чтобы ограбить и убить, тогда, конечно, нет. Потом, они так и не доехали до места. Это не мог быть замок, значит, платить они не обязаны. К тому же он не просил платы. Это был дурной знак. Правда, если он привез их в логово бандитов, то и не должен был ничего просить... Совершенно сбитые с толку, обе прекратили свои раздумья и отдались на милость своих провожатых.

Некоторое время они шли следом за человеком, который нес фонарь, и наконец оказались возле ступеней, круто спускавшихся вниз.

– Сан-Сальвадор? – беспомощно спросила миссис Уилкинс. Она была уверена, что средневековый замок ни в коем случае не может находиться там, где кончается эта лестница, и боялась спускаться молча.

– Сан-Сальвадор, – услышала она привычный ответ.

Они спускались осторожно, приподнимая подолы, чтобы не поскользнуться и не свалиться вниз. Лестница закончилась, дальше вела дорожка, выложенная каменными плитками. Здесь они сильно поскользнулись, но человек с фонарем помог им удержаться. Такая вежливость успокаивала.

³ То есть бедных, презираемых, незнатных. (Примеч. ред.)

– Может быть, все не так страшно, – сказала миссис Уилкинс.

Миссис Арбитнот ответила, что все в руках Господа, и страхи вернулись. Ее-то эта фраза успокаивала, но Лотти, не привыкшая полагаться на такую эфемерную помощь, была в полной растерянности. Она никогда в жизни не попадала в ситуацию, которая выглядела бы более безнадежной. Теперь все ее лондонские проблемы показались бы ей совершенными пустяками, если бы она могла в этот момент вспомнить о них.

Но видения залитого ярким весенним солнцем замка и их двоих, гуляющих по нему в свое удовольствие, были такими яркими, что просто не могли оказаться ложными. Лотти была уверена, что так или иначе все обойдется. Если эти люди – разбойники, то, узнав, кто оказался в их руках, они сами решат отпустить пленниц. Вдобавок ее успокаивала вежливость этих грубоватых с виду людей. Судя по их предупредительным жестам и готовности помочь, они скорее походили не на бандитов, а на провожатых. Возможно, в Италии принято добираться до имения именно таким образом. Возможно, по каким-то причинам прямо к замку подъехать было невозможно и поэтому приходится идти пешком. Эти здравые мысли вернули молодой женщине мужество, и она храбро зашагала вперед, то и дело оглядываясь на свою подругу и жестом прося ее поторопиться. Миссис Уилкинс так не терпелось узнать, как выглядит цель их ночного путешествия, что она разом забыла про усталость и преисполнилась любопытства и ожидания.

Дорожка кончилась, показалось поле, с трех сторон окруженное домами. Море лениво облизывало скалы с четвертой стороны.

– Сан-Сальвадор, – невозмутимо произнес таинственный проводник, показывая куда-то вперед, где, насколько могли разглядеть путешественницы, ничего такого не было.

Все было очень странно.

«Где замок, где наши вещи, зачем нас заставили выйти из экипажа?» – раздумывали молодые женщины, шагая вперед.

Странная компания пересекла поле или, может быть, площадь, и двинулась дальше, вдоль набережной. Она не была огорожена даже парапетом, и ничто не мешало проводнику столкнуть их в воду, будь у него такая охота. Первые несколько шагов женщины прошли, дрожа от страха, но, поскольку он этого не сделал, решили, что, возможно, все в порядке. На этот раз даже миссис Арбитнот воздержалась от обращения к Господу. Страх сменился облегчением так быстро, что она просто не успела этого сделать, но Лотти немного успокоилась. Она не так часто обращалась к Всевышнему и каждый раз пугалась, когда ее подруга взывала к нему. Ей казалось, что такие вещи делают только в случае большой беды. В семье миссис Уилкинс никто не был особенно религиозен, поэтому ее заблуждение было вполне объяснимо.

Процессия довольно долго шла по набережной. Свет фонаря отражался на мокром камне и играл красивыми желтыми отблесками на черных морских волнах, катившихся почти прямо под ногами. В конце дамбы горел красный огонек непонятного происхождения, который, однако, успокаивающе действовал на двух путешественниц. Во время долгого пути им уже не раз казалось, что вокруг никого нет, а огонек обещал хоть какое-то жилье и был очень похож на цель их нелегкого путешествия.

Наконец, они подошли к арке, перекрытой большими железными воротами, и проводник с громким лязгом распахнул створки. За воротами открылась дорожка, ведущая в гору и, судя по ароматам, окруженная цветами.

Миссис Уилкинс поняла, почему они шли пешком. Экипаж просто не мог подъехать к замку, здесь не было дороги. Мальчики наверняка уже принесли багаж, и он ждал их внутри. Сам замок, по всей вероятности, находился на вершине холма, как и полагалось средневековому сооружению. С дорожки красный огонек, который они видели с набережной, казался еще ближе, и теперь становилось ясно, что это горел огонь в окне замка Сан-Сальвадор.

Вскоре они пересекли небольшой мостик и вышли на поляну. Мокрая трава хлестала их по ногам, а невидимые в темноте цветы испускали терпкий аромат, щекоча ноздри. Поляна оказалась центром полуострова. Набережная и алый огонек на ней исчезли; берег обрывался в пустоту, и где-то вдалеке сияла россыпь огней.

– Меццога, – сказал проводник, махнув фонарем в ту сторону.

– Si, si! – воскликнули в ответ обе дамы. Это слово они успели выучить.

Доменико, а это был он, в ответ произнес длинную речь, из которой они не поняли ровным счетом ничего. Однако спокойный, ровный тон его успокоил перепуганных женщин. Позднее, узнав его лучше, дамы поняли, что познакомились со столпом здешнего общества, деревенским мудрецом и судьей. Немудрено, что он так быстро вызвал их доверие. В своем роде Доменико был очень незаурядной личностью. Его ценили все, и в первую очередь его хозяин, которого он знал еще совсем ребенком. В ту темную, страшную ночь он, с его суровым лицом и резкими движениями, больше походил на преступника, но после они узнали его лучше и полюбили настолько, насколько английская леди вообще может полюбить итальянского садовника. Их сдержанность мешала им проявлять подобные чувства, но незаурядная натура патриарха невольно вызывала восхищение.

Странная группа, освещенная мерцающим светом фонаря, прошла дальше по дороге, миновала еще одни ворота и оказалась у крыльца замка.

– Ессо⁴, – произнес Доменико, поднявшись по ступеням и распахнув перед ними двери, отчего наружу вырвался сноп электрического света. Багаж уже ждал внутри. Ничего страшного не случилось, дамы наконец-то были на месте, и это было настоящее чудо. Замок ждал их, и они ступили под его кров.

Миссис Уилкинс обняла подругу и расцеловала.

– Это прежде всего, – торжественно произнесла она.

Ей хотелось, чтобы первым жестом, который будет сделан в Сан-Сальвадор, был жест дружелюбия и приязни. Для них обеих начиналась новая жизнь. С этого момента все тревоги, которые мучили двух несчастных женщин в Лондоне и по дороге, – все было позади, а впереди только бесконечное счастье. Лотти чувствовала, что в ближайший месяц должно произойти нечто замечательное, события, которые сделают их совершенно другими людьми. Иначе и быть не могло. К чему столько сомнений, тревог и огорчений, если обе они вернутся такими же, как были, и продолжат жить в разладе с собой и окружающим миром? Все должно быть иначе и будет иначе, об этом нечего и говорить, сама судьба привела несчастных путников в замок, где впереди их ожидают только солнечные, радостные дни.

– Дорогая Лотти, – растрогалась миссис Арбитнот.

Она тоже предчувствовала, что с ней случится что-то особенное. Жизнь, которую она вела в последнее время, лишенная малейшего тепла и привязанности, уже казалась ей сном. За последние несколько дней она успела настолько горячо полюбить новую подругу, что растаял холодок в сердце, который молодая женщина ощущала с тех пор, как умер ее ребенок и разладились отношения с мужем.

Глаза миссис Уилкинс засияли от счастья, когда она услышала, что миссис Арбитнот в первый раз за все время знакомства назвала ее по имени.

– Дорогая Роза! – откликнулась она, ужасно довольная, что подруга, которую она считала слишком сдержанной и чопорной, потихоньку расслабляется.

Эта перемена доказывала, что она была права. У замка была своя магия, и она уже начала действовать на молодую женщину. Потом она коснется и их компаньенок, и ее саму, пока все, кто живет в замке, не станут абсолютно счастливыми. Это несомненно, здесь творятся настоящие чудеса!

⁴ Вот (ит.).

Доменико обрадовался. Ему приятно было видеть счастливые лица молодых леди. Он приосанился и начал свою приветственную речь, в то время как они стояли, пошатываясь от усталости, поддерживая друг друга и не понимая ни единого слова из того, что он говорил. Наконец он понял, что после долгой дороги им гораздо нужнее отдых, и решил перенести церемонию встречи на другое время. Он кликнул служанку, которая немедленно появилась и проводила женщин в их комнаты, где они, с трудом раздевшись, легли в постель и сразу заснули сладким сном.

Глава 6

Проснувшись на следующее утро, миссис Уилкинс несколько минут лежала в постели и собиралась с духом, прежде чем встать и распахнуть ставни. Она думала о том, что ожидает ее за стенами замка: солнце или дождь. Впрочем, что бы там ни было, но погода будет прекрасной. В Италии все должно быть по-другому, не так, как дома, гораздо лучше и значительнее. В этом миссис Уилкинс была совершенно уверена.

Она уже чувствовала себя обновленной. От вчерашних страхов не осталось и следа. Наоборот, такое начало отдыха казалось ей ужасно романтическим. Живые смуглые лица, быстрый говор, приключение с лошастью – все казалось молодой женщине оригинальным и увлекательным. Теперь она не понимала, как могла испугаться темной дороги, моря и скал. Если бы сейчас можно было повторить все сначала, она не стала бы ежиться от испуга и уповать на помощь Всевышнего, а попыталась бы познакомиться с теми, кого приняла за разбойников. Однако вчера обе женщины были настолько без сил, что отказались от предложения подкрепиться и легли в постель сразу же, как добрались до своих комнат. Лотти даже не успела рассмотреть свое новое жилье и теперь начала с интересом оглядываться по сторонам.

Комната, в которой она проснулась, была очень простой. Каменный пол, призванный охлаждать воздух в жару, был покрыт единственным тоненьким половичком. Стены обшиты простым некрашеным деревом. Все вместе выглядело непривычно, но довольно-таки мило. Лежа в кровати, со всех сторон обставленной цветами, миссис Уилкинс медлила встать и открыть ставни, так, прежде чем прочесть, откладывают дорогое, долгожданное письмо. Она не знала, сколько времени прошло с тех пор, как взошло солнце, не знала, который час. В последний раз ее наручные часы заводились сотни лет назад, еще в Хэмпстеде. В доме не было слышно ни звука, и казалось, что час еще ранний, но какой свежей и отдохнувшей чувствовала себя Лотти! Ощущение было восхитительным, но еще восхитительнее было то, что она лежала в кровати без своего супруга, впервые с того времени, как вышла замуж за Меллерша. Она уже забыла то ощущение удобства и свободы, которое бывает, когда спишь одна.

Лотти сладко потянулась, закинув руки за голову, и подумала: «Целых пять лет прошло с тех пор, как я могла вот так спокойно лежать, не боясь потревожить мужа, если нечаянно перевернусь с боку на бок! Я могу устраиваться как угодно, никто не будет на меня ворчать. И главное, ни сегодня, ни в ближайшие дни мне не придется готовить завтрак!»

Даже возможность спокойно взбить подушки показалась молодой женщине сказочно приятной.

Сквозь щели в ставнях пробивался солнечный свет. Уже давно надо было встать и распахнуть их, но миссис Уилкинс продолжала лежать, рассматривая комнату из-под полузакрытых век. На целый месяц это было ее собственное помещение, которое можно украсить по своему вкусу и даже запретить, и никто не сможет войти сюда без ее разрешения!

Хорошенькая маленькая комнатка была похожа на коробочку для безделушек и вызывала чувство полнейшей безопасности.

«Я назову тебя Спокойствием», – сказала про себя миссис Уилкинс, а затем подумала: как ни хорошо жить в новом доме, но снаружи могут оказаться настоящие чудеса. Ободренная этой мыслью, она вскочила на ноги, сунула ноги в тапочки, поскольку пол был холодным, и, подбежав к окну, рывком распахнула ставни.

Впечатление было потрясающее. Все великолепие апрельского утра в Италии распахнулось перед ней в один миг. Светило солнце, море дремало внизу, издавая легкий гул, когда волны набегали на каменистый берег. Почти к воде спускались огромные дремлющие горы, которые рассвет окрасил в разные цвета. Под окном на лужайке, засаженной цветами, возвы-

шался могучий кипарис. На фоне ярко освещенных солнцем гор он походил на меч в темно-зеленых ножнах.

Лотти глядела из окна и чувствовала себя счастливой оттого, что видит эту красоту, что дожила до такого дня. Лицо молодой женщины овеивал легкий бриз, который приносил чудесные запахи из сада, ступенчатыми террасами спускавшегося вниз по холму. Замок стоял на самой вершине и просто утопал в цветах. Рыбачьи лодки далеко в море были похожи на стаю белых птиц, присевших отдохнуть на синей воде. У миссис Уилкинс захватывало дух от такого великолепия.

Она не смогла бы описать, что сейчас чувствует, но знала, что такое бывает только раз в жизни. Радость была так велика, что переполняла ее, душу словно омыло солнечным светом. Она оказалась здесь, на воле, и целый месяц могла посвятить только и исключительно себе. Давно уже не случалось Лотти быть в таком беззаботном настроении и не чувствовать себя обязанной заниматься делами. Она приехала отдыхать, и только.

Как ни удивительно, при этой мысли миссис Уилкинс не почувствовала ни малейших угрызений совести. Они должны были появиться, но так и не пришли! В этом было даже что-то ненормальное. Дома ее одолевала либо боль, либо тоска, что-нибудь обязательно мешало быть просто счастливой, а здесь – какой покой! Для мужа она всегда прежде всего старалась быть хорошей, следовать каким-то жизненным правилам, а здесь это было совсем не обязательно, она могла быть просто самой собой и ни на кого не оглядываться.

Лотти подумала, что в это же самое утро где-то далеко, в туманном, полузабытом Хэмпстеде, Меллерш садится за приготовленный своими руками завтрак и сердится на то, что жены нет рядом. Это будет первый за все годы супружеской жизни завтрак, который она пропустила, поэтому он наверняка вне себя.

Сознание, что Меллерш сердится, но при этом ничего не может поделать, потому что находится очень далеко, было для молодой женщины только дополнительным поводом для радости. Миссис Уилкинс любила своего мужа, но только теперь поняла, что очень от него устала.

Она попыталась представить себе мужа за завтраком, вообразить, что он думает о ней в этот момент, но не смогла. Давно знакомые черты расплывались, терялись, и очень скоро Меллерш, с сердитым, раздраженным выражением на лице, просто исчез, растворившись в утреннем тумане, среди лучей восходящего солнца, сулившего великолепный день.

«Вот это да, – подумала миссис Уилкинс. – Такого со мной раньше не бывало».

Она могла ожидать чего угодно, только не того, что не сможет вспомнить, как выглядит раздраженное лицо мужа. За пять лет она так часто видела у него выражение недовольства, неодобрения и огорчения, что успела изучить его во всех подробностях, но в это утро все заслонила красота щедрого весеннего утра, и она так и не смогла достаточно сосредоточиться, чтобы представить себе это зрелище. Вместо него на ум пришли знакомые слова благодарственной молитвы, и Лотти возблагодарила Господа за то, что он сотворил ее и весь этот чудесный мир и позволил своим созданиям наслаждаться жизнью и любовью. Прочтя молитву, она решила выйти в сад и хорошенько осмотреть окрестности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.